

Муниципальное учреждение Торопецкого района
«Торопецкая центральная библиотека»

Не порастет травой забвения

Народная летопись
выпуск 4

Торопец
2011

От составителя

Четыре года исполнилось издательскому проекту «Народная летопись», четвертый сборник воспоминаний ветеранов держите Вы, уважаемый читатель, в своих руках.

Перед Вами двенадцать рассказов, перенесенных с диктофонных записей на бумагу. Мы надеемся, что, напечатанные на страницах сборника, эти негромкие рассказы найдут отклик в Ваших сердцах.

Бобовкина Мария Николаевна

Родилась я в 1926 году, по документам 26 октября, но так я 17-го родилась, на Ленинградской, 12, и там проживала, пока не продала дом и меня дочка к себе не взяла. Отец мой был кузнец, а мама домработница. Мама моя – цикоревская. Она была зажиточная, красивая. Как ходила в город, так папа ее увидел, и она ему понравилась. Папина семья считалась городской, а просватал деревенскую. И вот мама не заладила со свекровью. А отец сильно грамотный был. Мама говорила, читал много, в белых перчатках ходил. И цветы сажал: у него было 50 сортов одних хризантем. И девять ребят. Я девятая, последняя. Наверное, если б он не умер, я б не последняя была. Маме-то еще лет тридцать было, у нее что год, то и род. Все говорила мама, как отец придет с работы, удивляется: «Не понимаю, Марусенька, вот что людям от меня надо, вот пристанут и говорят: зачем у вас столько детей?» Он и отвечает: «А мои ребятки растут, как грибки!» Истинно, как грибки: с 15-го года, с 17-го, с 19-го, с 23-го, с 24-го, я с 26-го... Когда отец умер, нас осталось шестеро детей с мамой (трое умерли раньше). Самому старшему брату шел двенадцатый год, а мне было семь месяцев. Мама безработная. Вот такая у нас осталась семья. Дом отец построил не полностью, и еще был должен за это сорок пудов хлеба. И долг надо было отдавать. Ну что, у нас в Цикореве были дедушка с бабушкой, они жили хорошо. Хозяйство было большое, дедушка рыбачил. Они нам помогали, дали корову. Так мы и жили. Брат мой с двенадцати лет пошел работать на водочный завод, его взяли учеником. Другой брат с семнадцатого года рождения, его устроили учеником сапожника. Летом мы пускали дачников с Ленинграда, дачников всегда было много. А зимой были с воинской части жильцы. Так жили. Маме троих детей предложили отдать в детский дом, но она сказала: «Я никого не отдам, умирать будем вместе». И никого не отдала. Для того чтобы дети – а ведь четыре мальчика! – чтобы не принесли ничего чужого, мама всем зашила карманы. И она

сказала всем соседям, что «будьте добры, если что заметите плохо про моих детей, скажите только мне, а я уже буду сама разбираться». Так нас мама и воспитывала.

Помню, как мама рассказывала, будто Екатерина Вторая подарила торопецким купцам чугунную медаль. Эти купцы, у них денег было много, ездили в загранку и там покупали товары. И вот он подписывался, допустим, не Милохин, а Семенов. Потом, деньги за товар уже должны перечислить, а денег нету. Обратились к Екатерине, мол, ваши купцы денег не платят. Стала она разыскивать, что в Торопце за купцы такие. Оказалось, эти купцы – с двумя фамилиями. Екатерина и придумала: отлить с чугуна медаль, а там, на медали, написать: «Торопецким купцам – наставным головам». А купцы взяли эту медаль и спрятали под Корсунский собор. Где эта медаль и была ли она на самом деле – так бы мне хотелось узнать...

Себя я помню очень-очень маленькой, как ходила со старшим братом за грибами в лес. Магазин, где сейчас «Продовольственный» на площади, тогда называли Золотой магазин – там принимали сушеные сморчки. Были такие сенные корзинки, брат меня посадит в эту корзинку, за плечо, так мы и пошли с ним в лес. Грибы собирали вместе, а оттуда он нес корзинку, а я шла рядом потихонечку. Он все боялся, что я устану и заплачу. А я, говорят, иду и подплясываю.

Потом маму устроили временно на водочный завод, закупоривать бутылки. Я закладывалась и оставалась дома одна. Дождаясь маму, мне надо было подмести пол, все прибрать. Она прибежала в обед, корову подоить и меня накормить. А вот чтоб я без нее голодная не была, она мне такую пуляшечку в заслонку поставит, а я как кушать захочу, должна на табуреточку влезть и эту пуляшечку достать.

В школу раньше шли с восьми лет, а меня с восьми не взяли, сказали, что «очень маленькая, подожди год». И вот я уже пошла учиться с девяти лет. Все ходили в первую школу, а сорок первая – раньше семнадцатая – там только дети железнодорожников учились. Но на нашей улице жил директор этой школы, а у него

была дочка Галя, мы с ней дружили. Ну и мама упростила этого директора, чтобы взяли меня сюда поближе к дому.

Я была очень маленькая, не было под меня такой парты. Я как все на уроке не сидела. Если надо было что-то писать, я становилась на сиденье за партой на коленки; читала, тогда садилась. Провожали меня с дома собаки. Вот вы не поверите, у нас на улице были такие большущие собаки, чуть ли не волкодавы! Я даю одному – Скоку – сумку в зубы. От дома моего до школы он мне сумку несет. А две-три собаки еще меня охраняют. Они меня и встречали, когда кончались занятия. Я отдавала Скоку сумку, и все они меня сопровождали до дома. Меня до сих пор ни одна собака не кусила, я умею с ними разговаривать. Вот верите – не верите, как подойдут ко мне, я с ними сейчас начну разговаривать, дам конфетку или еще чего-нибудь – ни одна меня не тронет! Одна собака вот такая высокая, лохматая – как о ней говорили, она где-то на границе была – откуда эта собака в Торопце появилась, неизвестно. К ней кто ни подходил, на всех кидалась, и не как-нибудь, а за горло. Я вышла на улицу, подошла к ней, поговорила, она за мной и пошла. И не ушла больше от меня никуда. В огороде нашем лежит, чего принесу – покушает. А потом заинтересовались ей собачники с воинской части, она им для охраны нужна стала. Мама говорит: «Забирайте». А не взять было, несколько человек забирали. А я забралась на забор, смотрю, как они забирают. А потом свалилась с воспалением легких. Так мне эту собаку жалко было. Она простреленная была, видимо, правда, с границы.

Старшего брата в армию отправили в Хабаровск, там готовили с парашютом спускаться, в десантники. И хоть он был малограмотный, там ему присвоили уже звание младший лейтенант. Потом и другой брат должен был в армию идти. А с чего нам жить? С одной коровы? Мама пошла в райвоенкомат, написала письмо Ворошилову. Он прислал разрешение, чтобы на два года дали отсрочку. Потом этого брата взяли в Первомайск, в кавалерию. Николай, мой третий брат, десять классов кончил, куда ему дальше идти? Если в какой институт,

то маме это не вытянуть. Он пошел в моряки, в Ленинград, на Балтику. Он там ходил на кораблях. «Морские охотники» какие-то, корабли.

Вот старший брат вернулся домой, снова устроился на завод. Месяца не проработал, началась война. Он как военнообязанный уже знал, куда ему надо явиться. У нас как раз корова телилась, мама зарезала теленка, собрала брата в дорогу. Хлеба дали, мяса – отправили его. Остались мы вчетвером: брат Федя, Аня и я, и мама больная, она уже получала группу по сердцу. Мне тогда шел пятнадцатый год, но мне давали только девять.

Только началась война, военный городок сразу уехал. Федя, брат, знал двух парней с военного городка, и вот он с ними сбежал. Ну они-то все там работали, а Федя был никому не нужен, так, подкармливали его. И вот он с Горького домой пешком пошел. Холодно было, устал, придремнул и чуть не замерз совсем. Ехал какой-то председатель, видит, что паренек сидит на пне, разбудил, забрал с собой. Так он его спас. Домой Федя пришел, когда уже наш город освободили.

А мы привыкли к военной жизни. Вызвали нас окопы рыть в Цветках. Пошли мы с Анной. Народу собралось много. Рыли-рыли эти окопы, вдруг летит, как мы говорили, «рама» – самолет летит. Он летал-летал над нами, и начал строчить с пулемета. Ох, мы не знаем, ложиться нам или бежать... И вот кто куда. Мы с Анной прибежали домой, и больше – аминь! Никуда больше не ходили.

Выезд с города нам не давали, часовые стояли. Моя двоюродная сестра работала в горсовете, ей с сыном выезд дали, она доехала до Старицы. А нас не пускали. И куда нам деться? Мы решили идти в Цикорево, к родственникам. Дом замкнули, взяли корову, и лесом, мимо часовых пришли потихонечку туда.

Мы знали, что в воинской части на базе хранится химическое оружие; если только немцы будут базу бомбить, то не выжить никому. И вот мы за Цикоревым взялись строить землянки, в три наката. Вся деревня тягала лес, строила. Как налетали самолеты, мы прятались в эти землянки.

А немцы все приближались, и тогда вся деревня ушла в лес, за озеро. Опять там сделали землянки, стали жить. Все было сделано умно: костры горели, но ни дыма, ни огонька от нас видно не было. Как-то мама решила сходить в Торопец, посмотреть, что с нашим домом. Пришла, а там немцы. Соседи ей сказали, что если дом оставлен пустой, то его могут и сжечь, а если в доме живут, то его не трогают. И мама решила вернуться. Пришла за нами, и все вместе мы пошли в Торопец.

Стали дома жить, и немцы живут у нас. Они в комнате от нас на крючок закроются, а мама сделала засов от них. Один солдат у них был, он понимал по-русски. Вроде он в детстве еще в Советском Союзе жил. Этот солдат смеялся: вы нас боитесь, а мы вас.

Ходили мы к такой Полине, у нее была девочка маленькая и бабушка старенькая. Вот мы сидим с бабушкой, приходит немец, и ему понравился самовар. Этот самовар был такой как рюмочка. По-русски немец говорил хорошо, и он сказал, что если не найдет лучше, то придет за этим самоваром. Бабушка плачет: «Ну что, чайку попить будет не с чего...» А я решила: дай я возьму и спрячу кран с самовара! Схватила и в сирень спрятала. Через некоторое время немец пришел за самоваром, другого не нашел. Видит, а крана-то нету. Где кран? Никто не знает. И он сразу на меня: «Ты спрятала, давай кран!» Нету, говорю, не знаю ничего. Да как пристал! «Не хочешь, – говорит, – кран принести, будешь в Федькове подавать чай...» А там у немцев как ресторан какой-то был. Мама как хватилась за меня: «Принеси этот кран!» Что делать, принесла этот кран. Немец забрал, а бабушке взамен принес большущий такой некрасивый самовар и вот столечко крупы... Потом он говорил, что он шпион, что тридцать раз переходил нашу границу. Я сразу спрашиваю: «А как? Как переходил границу?» Он показывает руки, а у него на костяшках как мозоли набиты. Вот и говорит: «Как кабан. А здесь я, – говорит, – ухаживаю за офицерами, что они скажут, выискиваю...»

Заготовили мы как-то дров, распилили, а расколоть некому.

Раньше мальчишки кололи, а теперь они все были далеко. Пробуем мы с Анной тюкать, ничего не получается. А по соседству жил мой ровесник, Толя Взацкий. Пришел он нам помочь, а мать его ругается, что он дома ничего не делает, а тут помогает. Толя жил в доме, разделенном на две семьи. В этом же доме с другой стороны жил еще мальчишка, Валерка. Где-то они нашли противотанковые мины, и этот Толька и этот Валерка натягали этих мин. Толька, дурачок, наложил целый чуланчик мин. Ну и все. Батка не знает, и матка не знает, что он наложил этих мин. А мать этого Валерки, Гусиха, с соседями не ладила. Она была какой-то не крестьянской породы, а зажиточной. Вышла замуж за работника дядю Мишу и им командовала. Когда немцы пришли, эта Гусиха Валеркины мины спрятала, а на Тольку взяла и написала заявление. Всю их семью забрали. Нету ни Тольки, ни тети Шуры, ни дяди Павлика. Через сутки тетю Шуру отпустили, а Тольку и дядю Павлика нет. Так они и пропали.

Сама тетя Шура была родом из Шатров, и там у нее оставалась сестра Валя, ровесница нашей Анны. Когда тетя Шура осталась одна, сестра перебралась к ней. Мы подружились с Валею, и бегали к тете Шуре. Потом к ней на квартиру поселился офицер, он принес большущий приемник. Мы такой раньше видели, когда у нас на квартире жил из воинской части шофер. Его приемник был привезен из Польши. Когда он его настраивал, мы, девчонки, рядом крутились, и тоже уже понимали, как там что надо делать. И вот перед 7 ноября немец куда-то ушел, а мы замкнулись-заложились и настроили Москву. А там как раз парад и наши войска уходят с парада в наступление! Мы никому ничего не рассказывали, но как немец уйдет, снова настраивались на Москву, и все знали, что на фронтах происходит. Знали и что Калинин уже освобожден.

В январе, вроде 16-го, наши сбросили листовки: «Мирные жители, уходите в лес, будут бомбить». Куда ж мы можем уйти в такой мороз? Ну, конечно, мы никуда не ушли. Как самолеты прилетели, как ухнули! Как раз школу и разбомбили! Там, в школе, был штаб. И железнодорожный мост разбомбили. Мы,

ребятишки, на улице были. Видим, летят самолеты, низко так заходят и бомбы на мост сбрасывают. Тут немцы выскочили, начали строчить по сторонам. А мы кричим нашим летчикам: «Дай, дай им!» С самолета видели, как мы по снегу бежим, качнули нам так крылышками и полетели.

А раз как-то будит нас мама утром рано и говорит: «Девчонки, что-то в военном городке случилось: там все горит, дыму много, кричат...» Я как вскочила скорей. А девки – Анна и еще одна, с Креста у нас гостила, – не встают, смеются. У меня такое было красивое пальто, еще перед войной сшито, я с ним не расставалась. Вот я в это пальто и сижу. Вдруг откуда ни возьмись, идет немец с автоматом. Заходит в комнату, кричит: «Раус! Раус!» Вставайте! Девки снова не встают. Он тогда видит, что они-то уже большие, по 17 лет было. Немец отвернулся, чтобы дать им одеться. Собрал всех, построил, чтобы вести куда-то, а меня вытолкнул, оставил. Повел он их в церковь, сейчас там рядом лесхоз. Это было пять часов утра. Оказывается, немцы решили, что было нападение партизан, и собрали чуть не весь город по церквям. Поднимали людей, кто в чем был, кому и одеться не дали. Мама рассказывала, что двери в церкви открыли и выставили пулеметы. Люди плакали. И вот была такая Валя, молодая совсем девушка, на год старше нашей Анны. Все наши внутри церкви, а она с немцами, говорит с ними по-немецки. Наши ее спрашивают: «Валя, скажи, нас расстреливать будут?» Она говорит: «Нет» – и снова с немцами по-немецки... Мама и девчонки вернулись домой, когда уже стало темно, сказали, что их отпустили. И весь город с этих церквей отпустили. Будто бы немцы откуда-то узнали, что партизаны не нападали.

Была одна незамужняя дама, тетя Маруся, она при немцах открыла дом терпимости. Кстати, двоюродная сестра той самой Вали, которая тоже ходила к ней в этот дом. Ходила туда и одна еврейка, у нее были две девочки: одна черненькая, а другая беленькая. Это беленькая, курчавая – она была ангел! Отец у них русский, офицер, он где-то воевал. А в Торопце уже евреев заставляли носить повязки с шестиконечной звездой. И вот мы

все, кто ее знал, так думаем, что эта еврейка, мать девочек, пошла в дом терпимости, чтобы сохранить им жизнь. Но всем им суждено было погибнуть... Немцы в роще вырыли котлован и там расстреливали евреев. Рассказывали, что эту беленькую девочку кинули в котлован на расстрелянных и – живой!! – вместе с мертвыми закопали.

Перед приходом наших, днем, так ударило, что мы даже представить не могли, что есть такие снаряды на свете. Оказывается, это были «Катюши». Чтобы наши не прошли, у немцев в лесу были наделаны завалы. И вот наши остановились в Знаменском да как ударили по этим завалам! Немцы бежали, потом была тишина, и утром в город вошли наши.

А перед этим прошел слух, что нас освобождать идут американцы, и у них на груди красные банты. Только утро наступило, заходит к нам красноармеец, весь обмерзший, у него и варежек-то нету. Мама скорей его чаем напоила, дала свои варежки. Он очень торопился: «Боюсь от своих отстать...» И ушел. А мы дождались часов восьми и побежали к водочному заводу встречать освободителей. Только дошли до речки, видим, наши войска идут, никакие не американцы, не с красным бантам... Господи, что тут началось! Начали обниматься, целоваться: «Наши! Наши, русские!» А немцы сразу бомбить, так мы опять под бомбежку попали.

К соседки тете Тоне заходят красноармейцы и спрашивают нашу фамилию: «Есть здесь такие Бобовкины?» Тетя Тоня говорит: «Это мои соседи». Показала, где наш дом, приходят: «Вы Бобовкины?» Мама: «Да». «А есть у вас сын?» Мама говорит: «У меня четыре сына: три в армии, а четвертый не знаю где...» «А вы можете показать карточку?» Мама достала карточку, они стали смотреть: «О, это наш батя!» На моего старшего брата: «Это наш батя»... А откуда мы знали, что он уже комбат истребительного отряда, ходил в тыл врага. Мама стала спрашивать: «Он жив или мертвый?» «Жив, но он тяжело ранен...» Мама плакать. А красноармейцы нам рассказали, что, идя в тыл, он просил разрешения у командования зайти узнать,

живы ли мы, но там не разрешили, ведь его мог узнать кто-то из соседей. Это точно, если б только узнал такой дядя Яша Бурмистров, нам бы не жить... И вот брата к нам тогда не пустили. Он с группой лыжников ходил 50 километров в тыл врага. Его ранили, и он раненый шел на лыжах 50 километров. Потом его поместили в госпиталь, брат оттуда сбежал и пришел домой. Это было на третий или на четвертый день, как нас освободили.

Да, был такой дядя Яша. Как только немцы вступили, он бегал, кричал: «Вот немцы пришли – в сапожках, а наши в обмотках...» Он был очень плохой человек и деспот. А когда пришли наши, смотрим, он к своему дому подъехал на такой большущей немецкой телеге, доверху наполненной вещами, и все закрыто серыми одеялами. Лошадь в телегу запряжена здоровенная, таких еще называли бельгийскими или румынскими. И вот мой старший брат как услышал про дядю Яшу, говорит: «Счас я его уничтожу, застрелю...» Тогда ведь, в войну, судов не было. А мама говорит: «Не надо его стрелять, – сам помрет, не сильно много ему осталось». Уговорили брата, не пошел.

О муже, Леониде Михайловиче: он ушел на войну добровольцем. Его отец до войны был секретарем райкома партии, и им давали выезд. Увезли их в Краснокамск. Свекровь моя никогда в жизни не рабатовала, а пришла война, надо работать. Леся пошел работать на завод, на шлако- какой-то - бетонный, деньги стал приносить. Потом он пошел в военкомат, попросился на фронт. На фронт отказали, а направили в авиационное училище. Учиться там надо было шесть месяцев. И вот сказали, что если будут все пятерки, тогда на фронт отправят, а если не пятерки – то нет. Он и еще с ним был Мишка – они на пятерки кончили. А наши войска уже освободили Украину, подошли к границе. И вот ребят не стали отправлять на фронт, а отправили в авиационную школу, чтобы они учили курсантов. Летели они там день и ночь. А раз он как-то попал в бомболюк – он так рассказывал – и упал с самолета. Выжил,

хотя долго еще по госпиталям мотался.

Ходила я в вечернюю школу. И вот уже я училась в девятом классе, под Новый год школу нашу ученики разбомбили. Класс у нас был дружный, много училось детей начальников: и райкомовских, райсполкомовских, и больших торгашей дети. Ну вот, и одному такому Тольке поставили двойку по какому-то предмету. И бог его знает, где он взял этот тол. На Новый 1945 год у моих одноклассников намечалась складчина, меня пригласили на эту складчину. Мама меня отпустила, дала с собой холодца, и я пошла. Прихожу, смотрю: как сговор какой-то, на, и вино появилось на столе. Я не долго думая, свою пальтушку на плечи, никому не сказала и домой. Прибежала домой, мама спрашивает, чего я так рано, а я говорю: «Мне там делать нечего...» Утром мама будит меня: «Вставай, вашу школу подорвали!» Бог ты мой! я бегом! Прибегаю, в канцелярии большая дырка и стекол нету. Народ уже собирается, и военные кругом. Пошли в наш класс, смотрят: один отсутствует, другого нету, третьего... Их и забрали. Какая тут учеба, весь класс смучили допросами: то одного вызовут, то другого. А меня ни разу не вызывали: те, кого забрали, не сказали, что и я там сначала была. И вот перевели нас на время в первую школу, а тех, кто устроил взрыв, судили. Когда был суд, наш 9 класс сбежал с уроков, но в зал суда нас не пустили. Осудили, кого на 5 лет, кого на сколько. И чего только ни делали их родители – кто корову продал, кто что – никакие деньги не помогли, никакие хлопоты. Ну что, а тюрьма-то напротив первой школы: выводят их на прогулку, а мы прибежим, поговорим с ними. Наступил День Победы, потом амнистия, тогда их отпустили.

После войны в Торопце появилась фельдшерско-акушерская школа. А я как-то прочитала в газете про набор в горный техникум в Киеве. Написала заявление, отправила документы. Оттуда пишут, что могут принять меня на второй курс. А мама как узнала, говорит: «А с чего я тебя учить буду?»

Ну что, надо деньги зарабатывать. Пошла я в фельдшерско-акушерскую школу. Там не хватило для меня стола; стол я с

дома взяла – у нас военные его оставили. Так со своим столом и пришла, стала учиться. Месяц отучилась, говорят: завтра пойдем в морг, анатомировать. Я не долго думая, свой стол в охапку и домой... Медик с меня не вышел.

Открылась торгово-кооперативная школа. Если учишься на пятерки, там платили 250 рублей. Я туда. Брат Николай пришел с войны, моряк. А у нас какие моря? Пошел и он со мной. Отучились мы с ним, все на пятерки. Но у нас же еще училась сестра Анна: она после 10 класса поступила в техникум в Сарапуле. Как ей без денег? Вот мы 500 рублей получим, посылаем ей туда, сами ведь дома, у нас корова, картошка.

Отучились мы, нам и говорят: «Раз вас двое, один будет в Торопце работать, а второго направляем в Великие Луки. Решайте...» Ну что, для дома надо Коля, и я отправилась в Великие Луки. Приехала туда, специальность у меня громкая – товаровед! А директор говорит: «У меня жилья нет». Жить-то мне и негде... Директор опять: «Если вы, – говорит, – устроитесь в Торопце, то я вас отпущу и искать не буду». Ну что, я – с удовольствием! Приехала в Торопец, в райсоюз меня берут, помощником завбазой. Где сейчас за первой школой церковь, там межрайбаза была, склады. Потом взяли меня в бухгалтерию, а еще я ходила кому полы мыла, кому картошку копала. Потом экономист со швейной фабрики замуж за военного вышла, 24 часа – и она уехала. Нужен экономист, меня и пригласили. Ну, экономист – это ж громкая такая профессия! Меня там ждут, а я три дня не иду. Приходит Лебедев Валентин Михайлович, говорит: «Ты чего не идешь?» Говорю: «Боюсь». «Чтоб завтра была!» Прихожу. Директор мне: «Пишите заявление». Написала. «Выйдите, подождите». Вышла, жду. Зовут, говорят: «Мы вас берем, вы нам понравились». Почерк, говорят, у меня хороший. Почерк им понравился, берут меня в экономисты!

Пошла на работу. А там начальник планового отдела был еврей Ефим Израилевич Бранский – такая косточка... Мне девки, что там работали, говорят: «До тебя Нинка работала... Если что будет не так, вот все документы, все талмуды – все будет на

полу!» Ах, боже мой, что они мне такое сказали! Я сделаю и сто раз проверю, правильно я сделала или нет. И сколько я с ним – года два работала – он ни разу не накричал на меня и ничего не раскидал...

15 марта 1948 года я на фабрику пришла, а уже 1 января 1951 года была на курсах усовершенствования в институте легкой промышленности в Москве. У всех, кто там учился, было по 14 и больше лет стажа, а у меня какой стаж? Мне и сказали: получишь двойку, поедешь домой. Но я все учила как надо, и двоек у меня не было. В тот год на майском параде, как нам сказали, должен был лететь сын Сталина – Василий. Мы так хотели на него посмотреть! Наша колонна шла от института легкой промышленности, и вот только мы должны были вступить на Красную площадь, полил страшный дождь! Все в метро как ухнули, так мы сына Сталина и не увидели.

Лыжами когда стала заниматься? Это отдельная история! Пришел мой брат младший, и он стал председателем физкультурного общества. А мы – мальцы, девки – катались с гор, с трамплинов таких прыгать любили. И вот первые соревнования в Торопце. Дай, думаю, пойду посмотрю. Взяла лыжи, поехала на озеро. Начались соревнования, вот уже последнюю партию пустили. Тут комиссия стоит, а мой брат и говорит: «Мусь, а вот сумеешь ли ты их догнать?» И показывает на лыжников, а они уже порядочно, метров 500 прошли. Я и говорю: «Попробую». Включили секундомер, и я как двинула, и всех торопецких обогнала! Комиссия как посмотрела, говорят: «Ну и ну!»

И вот в Ленинграде в Кавголово всесоюзные соревнования по лыжам. Приходит мой брат и говорит: «Мы и тебя включили в команду на эти соревнования. Надо только с собой хлебную карточку взять». Христос с тобой, куда я поеду? «Поедешь!» Ну, поехала. Там, в Кавголово такие горы! Народу понаехало со всего Советского Союза! Конечно, я там уже была не первая, но шла хорошо. И я же первый раз была в Ленинграде! Кормили нас не в столовой, а в ресторане. Вроде, «Астория» ресторан...

Только зашли, а там швейцар и огромный медведь, чучело! Я чуть назад не сбежала...

В Торопце меня приписали к обществу «Спартак». На наших соревнованиях я всегда была первая или вторая. С Галькой Исаковой мы так чередовались. А фельдшерско-акушерской школе преподавал такой Зоммер. И вот, если я выступаю за область, он мои лыжи помажет, а не за область – так никто мои лыжи мазать не будет. Ну а что мы могли сами: свечкой помажем, и все. Да еще и ботинки к лыжам дадут 37 размера, а я ношу 34-й. Но в Великих Луках я всегда первая приходила.

Опять первое место заняли, мне 500 рублей премию и отправляют на соревнования в Свердловск. Надо отпрашиваться, а начальник мой говорит: «Все, в последний раз: или работа, или лыжи». Но отпустил. Всех собрали, поехали в Свердловск, на Уктусские горы. Места я там никакого не заняла, но посмотрела на таких спортсменов! Мастеров спорта! А потом меня пригласили на праздник Севера, но туда меня не пустило начальство...

На фабрике я работала много лет, ушла уже в 1981 году. И 35 лет я была коммунистом, пока не было Ельцина. Как попал он в Америку, еще с партийным билетом, как показали его по телевизору – не захотела я быть с таким коммунистом, вышла...

Егорова Валентина Васильевна

Родилась 6 июля 1935 года в деревне Сахарово, Псковской области, Новоржевский район. В семье нас было трое: мама, папа и я. До меня еще двое детей было, но они умерли. В 39-ом году началась финская война, папу мобилизовали. Финская кончилась в 40-ом, отец так в Карелии и остался. Работал там, нам деньги слал. В Карелии его и другая война застала.

Мы жили сначала на хуторе. Потом, когда начали с хуторов сгонять, нам разобрали крышу, остались мы ни при чем. Хочешь не хочешь, пришлось с этого хутора уходить, и мы переселились в деревню Рудняха. Там в 40-м году построили дом, обосновались, а в 41-м началась война.

К нам немец пришел в конце июля, начиналась жатва. Когда фронтовые части приходили, они у нас безобразничали. И немцы стояли, и итальянцы.

Жили мы нормально года до 43-го, пока немцев от Ленинграда не погнали. От нас линия фронта была за шесть километров. Тут нас всех с домов выселили, поселили в гумна. Зимой топили эти гумна по-черному: так обогревались, еду готовили. А в наших избах жили немцы. Это были передовые части, которые воевали.

В марте-месяце пришли к нам эсэсовцы. Комендант явился, Гофман. Как сейчас помню фамилию. Галифе в дудочку, шапка с такой с кокардой, стек в руке: «24 часа – и чтоб вас в деревне не было».

Пригнали повозки, собирались нас отправлять в Латвию. Кто захотел, садились в эти повозки, кто не хотел – шли своим ходом. Мы с мамой пошли своим ходом. Встретили тетю нашу, объединились, и пошли скитаться по всей Псковской области.

В одной деревне приняли нас. У хозяев своих восемь детей было да их двое, хозяйин с хозяйкой – всего десять человек.

И нас семеро: мы с мамой да у тети четверо детей. Еще была родственница с соседней деревни, тоже с четырьмя детьми. И все мы в одной хате жили, все вмещались. Очень дружно жили,

помогали друг другу.

Потом я заболела брюшным тифом, но от меня никто не заразился. Поправившись от тифа, заболела скарлатиной. Врачей не было, сама выкарабкалась. Когда поправилась, пришлось с мамой и милостынью собирать. И работала мама: у кого полы, потолки помоем – ей платили.

Так мы жили по чужим людям до весны 44-го года. Наши тогда прорвали в Ленинграде блокаду и пошли нас освобождать. Немцы уже злые были очень. Часть наших родственников закрыли в баню, бензином облили, поджигать собрались.

И тут началось наступление. Наши шли с двух сторон: с востока и северо-запада. Немцы с запада, а с юга шла гроза... Страшная была ночь... Стреляли, снаряды рвались. Там такой овраг был, мама меня все за руку вокруг него таскала: от страха мы не знали куда деться...

Немцам уже было не до нас. Они размещали своих раненых по три человека на повозку, а повозки эти грузили на паром, чтобы через Великую переправляться. На середине реки паром перевернулся, раненые стали тонуть; кто мог, тот вплавь пустился.

Утром видим, с той стороны, куда немцы отступали, идут наши, пленных ведут. Как мы обрадовались нашим красноармейцам, обнимали их, целовали! Я, помню, кричала: «Вы папку моего не видели?..» Это был, наверное, конец мая 44-го года...

Наши солдаты сказали: «Теперь вы можете идти домой, только идите осторожно. Наши саперы дорогу от мин очистили, но в сторону ни на шаг».

Ну, мама моя нетерпеливая такая была, она побежала вперед, узнать, что там у нас в деревне. А мы идем сзади, это мы от нее где-то на полдня отстали.

И вот идут нам навстречу солдаты, говорят: «Впереди женщина подорвалась на mine, будьте осторожней». Тетя моя сразу: «Верка погибла!» Дошли мы до первой деревни, а там маму знали и говорят:

«Нет-нет, она жива, пошла дальше, к себе домой».

Пришли мы домой, а дома у нас и нету. Когда наши стали наступать, немцы стали укрепляться и нашу деревню разобрали блиндажи. Так мы в 40-м дом построили, а в 44-м оказались без дома. И пока папа не пришел – а пришел он только в ноябре, перед Михайловым днем – жили мы у соседки, почти целый год. Потом построили избенку, с чего только она не была собрана...

Началось наше послевоенное детство, очень тяжелое и трудное. Ни кола ни двора, никакой скотинки не было, огороды не посажены – ни картошины, ничего нет. Вот с мешками наши женщины в Латвию ходили, покупали зерно, на семена покупали, соль приносили. Меняли, у кого что было.

Про отца еще хочу рассказать. Немцы его в Карелии застали, но папа успел уйти, пешком добирался до дома. И вот зимой 41-го он пришел, недели три дома прожил.

А староста, которого немцы назначили, съездил в Новоржев и там доложил, что, мол, пришел красноармеец, и он в деревне скрывается. Приехали немцы, папу забрали, отправили в Новоржев.

Он там просидел долго, потом его отправили в концлагерь под Псков. Толошино – там был концлагерь. Как-то отец смог сообщить нам домой, что он в Толошино сидит.

От нас до Пскова 144 километра, и там 6 – это 150 километров, мама с тетей пошли его проведовать. Мы остались вдвоем с моими двоюродными братьями, на четыре и на шесть лет старше меня. Они за коровой смотрели, по хозяйству управлялись, печку топили, обед готовили, чугуны в печку без воды ставили...

Мама вернулась. А папа потом из концлагеря сбежал, его поймали. Первый раз ему за побег почти ничего не было; может быть, только несколько раз ударили.

Сколько он еще отсидел, может, месяца четыре – и опять сбежал. Пошел вдоль Великой, дошел до моста, а мост охраняли эстонцы.

Они такие злые были, хуже немцев. Эстонцы его поймали и

привезли опять в этот концлагерь. И тут уже папу приговорили к расстрелу. Сначала били резиновыми дубинками, и когда били, у папы из носа и из ушей пошла кровь и он оглох. Потом дали ему лопату, и он копал себе яму. Яму выкопал, стал на край, и его уже стрелять собрались.

И вдруг бежит немец: «Нихт шисен! Нихт шисен!» Не стрелять! Папа жив остался, его после этого отправили в Германию, в концлагерь.

Там он, наверное, до марта 45-го года был, и тоже сумел сбежать оттуда. Как раз наши наступали, он попал к своим. Так и от немцев сбежал, и наши его не третировали, суда не устраивали. Остался в части, был ездовым: снаряды подвозил, питание. До ноября-месяца он служил в этой части, у Малиновского. Пришел папа 21-го ноября 1945 года.

Задвинская (Правина) Валентина Ивановна

Я родилась в 1927 году 14 октября, в деревни Огороды, это два километра от Воробьев. У нас было трое детей: я и два брата. Один брат 21-го, другой 24-го года рождения. Я самая младшая была. Папа мой работал председателем колхоза, мама была рядовая колхозница, и неграмотная. Как она рассказывала, тогда девочек редко отдавали учиться, мальчики по четыре класса заканчивали... Моя мама любую работу знала: и пряла сама, и ткала, и в колхозе вот работала. Вечером приходила домой усталая, хорошо, нам бабушка, ее мать, помогала.

В 20-е – 30-е годы деревни были очень большие, жителей много, и одна деревня уже составляла колхоз. Наш колхоз назывался «Красный пахарь». У моего дедушки была очень большая изба, и у него разместили канцелярию. Там сидел мой папа, счетовод и правления человека три-четыре – больше никого не было. Потом к нам присоединили деревни Лыково и Власово, и колхоз стал называться «КИМ» – Коммунистический Интернационал молодежи. А перед войной, года за два-три, папу взяли работать в Торопец.

Один мой брат в 1940-м году окончил летное училище, и ему было присвоено звание младший лейтенант. Другой учился в Ленинграде, в Индустриальном техникуме. Чтобы им помочь, мама, бывало, зарежет двух баранов, повезет в Ленинград продавать. И то, страшно в поезде, могут оштрафовать...

Я пошла в школу в 36-м году, с восьми лет, с семи меня не взяли. Мы были худенькие все такие девчонки. Первая учительница наша – Полина Акимовна. Директор школы был Лосев Петр, но забыла отчество. Жена его Антонина Арсентьевна. Сами они были с Высокого. Оттуда был и учитель Алексей Власович, он в войну уже к нам пришел, раненый. Еще была учительница Матрена Павловна. Раньше были классы большие, по 30 человек. В 41-ом году я закончила пятый класс, нас было 60 человек, классы «А» и «Б». Много школ тогда было: в Семенцево была школа, в Мишине – вторая, в Плотично –

третья школа, в Песчивицах четвертая и в Слободке пятая. Пять начальных школ было! Так и народу сколько было! У нас в Огородах перед войной восемьдесят человек жило, я сосчитала. Шесть парней на войне погибло. И взрослых, семейных уже, сколько ушло, а вернулось только трое...

Началась война. Папа мой тогда жил в городе, и вот 27 августа он с Торопца пришел домой. Где пешком, где его везли на попутных машинах. Пришел он уже к вечеру. Мама заплакала сразу, а он говорит: «Не плачь, а топи баню. Как только станет рассветать, мне нужно обязательно явиться в город». Мама стопила баню, он вымылся, не спал почти всю ночь, и мы не спали. Папа рассказал, что председатель райисполкома Семенов всех их в Торопце собрал, а в Пожне у них был отряд партизанский. Когда немцы в Холме высадили десант, их отправили истреблять этот десант. А когда это все закончилось, папу отпустили домой, повидаться с семьей. Вот утром слышу, он говорит маме: «Пойдем, а Валю не бери». Чтобы я не плакала, наверное. А я услышала, говорю: «И я пойду». Вышли мы за деревню, прошли сколько, на, едут повозки с Воробьев. А у них уже 26 августа была немецкая разведка. Хорошо, родственница наша одна ехала, она подсказала папе, чтобы он прямо не шел, лучше пусть идет проселочными дорогами. Мы с мамой провели его до деревни Беляево, и больше мы папу не видели.

А 29 августа, на, – 33 мотоцикла немцев приехало в деревню! Развернули они свои карты, у них там все обозначено. Хутора раньше были: Филеево, Долоты – все у них на карте отмечено. Смотрят, а нашей деревни на их картах нет. А у одного дедушки ставни были беленые, они и написали на этих ставнях: «Огорода». И уехали. Прошло какое-то время. Как поехали назад, как пошли по домам, как стали отбирать все подряд! Бабушка на одного немца показывает, что ж, мол, вы все забрали? А он на нее винтовкой! Мама бабушке говорит: «Молчи»... У дедушки одного мед был, мед этот забрали, целое ведро, потом разлили. И все ругались так, по-немецки все ругались... Потом уехали. У нас в Огородах они не стояли, только

наездами были, приезжали с Воробьев. Приехали раз зимой за сеном. А у меня была физика для 6-го класса, и там вложена фотография брата-летчика в летной форме. Немец открыл и спрашивает меня: «Кто?» По-немецки спрашивает, я сейчас-то забыла, а тогда по-немецки понимала, только что пятый класс закончила. Я и отвечаю: «Брутер». А немец показывает маме, что, мол ее сын «Пук! Пук!» – летает, немецких солдат убивает. Я говорю: «Нихт» – мол, никого он не бьет. Сказала, и сама была не рада. Немец как начал быстро-быстро говорить по-немецки, а я-то всех слов не понимаю. Я перепугалась, а его еле уняли... Тогда у нас сено увезли, шубы увезли. А раз забрали всех свиней. Один немец тогда нас, ребяташек, начал ставить в строй. Я была самая высокая, стала в этом строю первая. Родители перепугались. А немец высыпал из кармана горсть леденцов и дает мне, чтобы я на всех разделила. Это нам в уплату за отобранных свиней, и еще взрослым марок дали, мол, на них все будете покупать...

В штабе у них один немец, он был как русский, и ходил в штатском костюме. До войны жил в Ленинграде, разговаривал чисто по-русски. И вот он был переводчиком. Немцы везде назначали старшин, а в деревне никто не хотел идти старшиной. Тогда этот переводчик объявил, что если никто не подойдет, то приедут каратели. И вот было собрание, просили такого Пчелкина Тимофея, он был пожилой, – что «стань, пожалуйста, ради бога...» Пришлось ему старшиной идти.

Как-то моя мама с тетей встретили наших красноармейцев, человек пять, один у них был лейтенант. Вот они попросили маму принести им штатскую одежду. Мама с тетей пошли, чтобы что-то для них собрать, а красноармейцы остались ждать в бане. Бани раньше были далеко от домов. Собрали мы одежду, и я с тетей Просой понесли в эту баню. И тут со стороны Скворцова немцы! А с той стороны баня видна насквозь. Тетя Проса бросила свой узел, а я перепугалась, стою, и в это время открылась в бане дверь. Я говорю: «Красноармейцы, не выходите отсюда, немцы едут...» И мы с тетей Просой бегом!

Раз к Смородиной тете Поле со Ржева приехала женщина молодая, привезла ей письмо от мужа. Его взяли еще в 40-м году. Он писал, что находится в плену, и что немцы отпускают тех, за кем приедут родственники. Вот он и просил жену: «Приедь за мной...» Дали тете Поле хорошую лошадь, и с этой женщиной она поехала. А немцы уже отступали. Отобрали они у женщин и еду, и все, вернулась тетя Поля чуть живая.

Освободили нас в январе 1942 года. Пришли наши лыжники, человек тридцать их было. Мы как раз катались на санках, смотрим, сколько народу в белом! Как мы узнали, что это наши, побежали к ним по снегу, а снег глубокий был... Они к нам подъехали, дали нам гостинцев. «Не бойтесь, вы уже освобождены. Мы разведчики», – сказали они нам. Мы так обрадовались! Лыжники потом приехали в деревню, там народ весь собрался, все радовались. И немцев у нас больше не было.

В нашей семье погибли и братья, и папа – никто не вернулся. Я была еще молодая, не понимала, как маме тяжело. А прожила она девяносто лет...

Зайцев Анатолий Михайлович

Я вырос в хорошей деревне!
Российской – под скрип телег!
Одной деревенской царевне
Я нравился как человек.

Используя эпиграфом к своему повествованию четверостишие поэта Николая Рубцова, мне пришлось изменить одно слово, но то, что местом моего рождения была хорошая русская деревня – это действительно так.

Деревня Дудино Андреапольского (бывшего Ленинского) района была центральной в сельском округе и насчитывала около 40 жилых домов. Это было большое селение с сельским советом, начальной школой, почтой, медпунктом, двумя магазинами, избой-читальней, молокоприемным пунктом. Посреди деревни протекала река Городня – приток Западной Двины. Дудино – старинная деревня, она уже была нанесена на карте Ф.Ф. Шуберта 1840 года.

Я с детства интересовался историей нашей деревни. Моя бабушка по матери Ануфриева Александра Афанасьевна, 1887 года рождения, зачастую вела разговор на эту тему, но точной даты возникновения поселения Дудино назвать не могла. В то же время, она рассказывала, как ее мать Марфа, жившая при крепостном праве, ходила из ближайшей деревни Раменье работать в Дудино на помещичьи поля. «Тянула барщину», – говорила бабушка. В летнюю пору, особенно в период жатвы, батраки работали на полях до заката солнца. В один из таких дней, возвращаясь в сумерки после работы домой по лесной тропинке, Марфа встретила в лесу с медведицей с тремя медвежатами. Медведица вскочила на задние лапы, зарычала и стала бросать в сторону женщины коряги. Но нападать не стала. Спасло то, что медвежата быстро убежали, и медведица последовала за ними.

В нашей деревне до войны проживало значительное

количество патриархов мужского и женского пола. Стариков и старух называли древними именами: Елисей, Мартин, Тимоха, Костюх, Нилка, Петруха, Микеня, Севка, Спирька, Панкрат, Ильюха, Прошка, Ануха; женщины: Хадоня, Фешка, Матрена, Дунька, Дашка, Палашка, Алена.

Деревня Дудино была спокойной, сплоченной коллективным трудом взрослых и с большим количеством жизнерадостной детворы.

Достаточно сказать, что перед войной и во время войны в деревне было детей только в возрасте 6-12 лет 25 ребят и 17 девочек. Скучать нам не приходилось. А труд взрослых был для нас привлекательным примером, которому мы стремились подражать.

Все взрослое население деревни перед войной было организовано в колхоз «Красный лесоруб» и занималось хлебопашеством и скотоводством.

Коллективный труд взрослых применялся не только на общественных работах, но и в личных хозяйствах. Так постройка дома, кладка печей в нем и даже посадка картошки весной на личных огородах осуществлялись миром. Называлась такая работа «толока». Участие в этих работах принимали и дети. Так, например, при кладке русской печи из сырой глины разостланную на полу глину взрослые «месили» березовыми чурбаками. А мы, ребята, осуществляли это мероприятие голыми пятками. Работа проходила с шутками-прибаутками, с обменом острыми словечками, но без всякой похабщины, не в пример нынешним временам.

В такой вот хорошей русской деревне я и родился 10 ноября 1934 года в 5 часов утра. Наверное, поэтому я всю жизнь «жаворонок».

Дом моих родителей, Зайцева Михайла Прокофьевича и Зайцевой (Васильевой в девичестве) Анастасии Васильевны, был построен еще их предками – старожилками деревни. Он состоял из двух изб – зимней и летней, соединенных сенями. Фамилия досталась мне от предков как прозвище. Крестьяне

по основному роду занятий, они были в то же время заядлыми охотниками и рыболовами, но охотились только на мелкую дичь: зайцев, лисиц, белок, куниц да на боровую птицу. На крупных зверей: лосей, медведей, кабанов – никогда не охотились, считали, что это ущербно для природы. Поэтому в деревне их называли зайчатниками: Егор-зайчатник, Прошка-зайчатник, Мишка-зайчатник и т.п. Так прозвище перешло в нашу фамилию. «Нет лучшей охоты, чем подстрелить зайчика», – говорил мой отец, когда брал уже повзрослевшего меня с собой на охоту.

Мое детство и юность ничем не отличались от сверстников моего поколения. Самым памятным и жестоким событием в жизни была, конечно, война. О ее начале мы узнали в тот же день от работников сельсовета. Потом мы ходили к сельсовету слушать радио о событиях на войне.

Радио представляло собой черную тарелку, прикрепленную на телефонном столбе. Оно сильно верещало, шуршало, но для нас было явлением необыкновенным.

В первые же дни войны все военнообязанные мужчины были мобилизованы. Практически из каждого дома ушел активный хозяин. В деревне остались старухи, женщины и ватага ребятни.

Немцы появились в деревне 1 сентября 1941 года. Была суббота, люди топили бани, занимались хозяйством и как-то мало обратили внимание на приближение немцев, хотя хорошо знали об этом. В конце дня по центральной улице деревни прошли 3 немецкие танкетки и пошли в сторону Андреаполя, куда отступала наша армия.

Разведав, что наших войск нет, немцы вернулись, к деревне начали, как огромные гусеницы, подтягиваться их колонны. Все они расположились на ночлег на западной окраине деревни.

Ночью наша дальнобойная артиллерия из Андреаполя дала массированный залп по расположению немцев. Снаряды пролетали над домами, и ни один снаряд не разорвался в самой деревне. А убитых немцев оказалось большое кладбище.

Деревня была прифронтовой, находилась в 15 км от линии

фронта, проходившего по р. Западная Двина в районе Андреаполя.

В 20 километрах от Дудино на территории огромного мха с названием «Бородулин» располагался партизанский лагерь. В нашей деревне располагался сельский Совет и, естественно, много семей было связано с работниками советской власти, с партизанами.

Партизаны часто появлялись в деревне, узнавали прифронтовую обстановку, запасались провиантом. Но когда приходили немецкие каратели, все жители в один голос говорили, что у нас проживают только мирные жители, про партизан ничего не слышали. Поэтому немцы у нас не зверствовали.

Когда они потребовали избрать в деревне старосту, мы сказали, что он у нас есть, и назвали председателя колхоза Матросову Феклу. И это нам помогло. Все немецкие намерения, которые узнавала, она своевременно передавала, и мы принимали меры. Прятали хлеб, теплые вещи, предупреждали партизан.

Из прифронтовой полосы мы ушли в лес и жили там в шалашах. Домой вернулись 6 ноября, когда немцы ушли из деревни, прорвав нашу оборону в Андреаполе. Застали полную разруху и запустение.

Вскоре выпал снег. Мы начали выкапывать из-под снега на огороде оставшуюся картошку. Больше пожить было нечем.

При копке картошки мы с бабушкой обнаружили откуда-то взявшийся букварь. По нему мы потом все учились в первых классах.

Зимой бабушка ходила по дальним деревням собирать, «добуваться», как она говорила. И приносила домой куски мерзлого хлеба в холщевом мешке.

Однажды, в конце декабря 1941 года в 2 часа ночи к нам постучали. В дом вошли 3 партизана, один из них был в крови. Кровь сочилась сквозь перевязку на шее. Партизаны рассказали, что в Андреаполе они только что взорвали склад боеприпасов.

При отходе одного из них ранили, но рана была поверхностной и большой опасности не представляла. Этими людьми была проявлена большая смекалка при организации взрыва.

Зима была суровой и снежной, склад окружали огромные сугробы. Один из партизан в белом маскхалате кротом прополз в сугробах к складу и заложил взрывчатку. Когда он возвратился, с помощью бикфордова шнура произвели взрыв.

...Мать затопила плиту, вскипятила чаю. Раненого перевязали, обогретье партизаны разместились на ночлег. Они отдыхали до 5 часов утра и ушли в лагерь, предупредив нас, что утром будет погоня. Так и случилось, но пронесло.

Деревня была освобождена от немцев вместе с Андреаполем 16 января 1942 года. Стали приходить похоронки с фронта. Но жизнь в деревне возродилась.

В первую же весну произвели кое-какие посевы подручными семенами. Своих семян не было, женщины пешком ходили за ними в Андреаполь. Появились посевы овса, гороха, посадки капусты, свеклы, турнепса. Турнепс вырастал до размеров фугасного снаряда. Для ребят он был деликатесом. После употребления так называемых струков, кислицы, дудок, – мы ели турнепс как сладости. Потом созрел горох, он тоже шел за деликатес.

В колхозе уцелела одна лошадь, и для работы стали использовать быков. На них пахали, возили сено. Лошадиные хомуты им не подходили, мешали рога, и женщинам приходилось осваивать новую «технологии» их запряжки и изобретать новые хомуты.

Были изобретены так называемые «распашные» хомуты, которые надевались быку не через голову, а сразу на шею. Но самое досадное в работе на быках было их упрямство. Он мог в любой момент рвануть в кусты, в самую чащобу и остановиться там вместе с телегой и ездоками.

Уже осенью 1942 года в деревне открылась начальная школа. Я пошел в первый класс на следующий 1943 год. Все 4 класса вела одна учительница Екатерина Варвановна. Потом ученикам

она стала представляться как «Ивановна», потому что ее отчество ученики коверкали как попало. Под школу была приспособлена большая изба-пятистенка. В одной половине избы сидели первый и третий классы, а в другой – второй и четвертый. Задав задание в одной половине избы, учительница переходила в другую.

Кроме основных предметов изучались такие как чистописание, пение, военная подготовка. Военную подготовку вел инвалид, вернувшийся с фронта – Никитин Дмитрий Андреевич. С ним мы изучали «трехлинейку» Мосина. На всю жизнь запомнились ее главные детали: стебень, гребень, рукоятка, боевая накладка. Писали на старых газетах, разных листочках, некоторые умельцы умудрялись делать блокноты даже из бересты. Чернила изготавливали из сажи, а ручки делали из малинника. В школу дети ходили из всех близлежащих деревень, это за 3-6 км. Многие являлись босиком. Однажды осенью, пока шли занятия, выпал снег, и босым ребятам нельзя было выйти на улицу. По всей деревне собирали им кое-какую обувку. Весной, закончив уроки, после обеда брали лопаты и шли на колхозное поле копать землю под посевы. Возглавлял эту работу в основном военрук.

День Победы я встретил во втором классе 10-летним школьником. Учительница объявила нам радостную весть и досрочно закончила уроки. Мы все высыпали на улицу и с криками «Ура» стали веселиться.

Потом учительница снова собрала нас и сказала: «Давайте сегодня в честь победы зожим возле школы аллею из деревьев и кустарников». Мы согласились и с радостью помчались в лес за деревцами березы, рябины и кустами смородины.

В 1947 году я закончил 4 класса своей школы и пошел учиться в Андреапольскую среднюю школу. Только что ввели обязательное 7-летнее образование. Вместе со мной туда пошли из деревни еще четверо ребят. На занятия в Андреаполь за 15км. мы отправлялись пешком в понедельник, неся за плечами, кроме учебников, продукты – в основном картошку, лук, деревенский

хлеб. Ведь мы уходили из дома на целую неделю. Интерната не было, жили в городе у знакомых. Труднее всего было ходить в школу зимой. Дороги не расчищались, поэтому, чтобы попасть в школу к 9 часам, мы выходили из дома в 3-4 часа утра. Шли по сугробам, иногда слышалось завывание волков.

После 7-го класса обучение в школе было платное. Поэтому в 8-й класс я стал ходить из деревни один. Платил за меня дедушка, работавший лесником. Мать, работая в колхозе, денег не имела. За каждый год обучения надо было платить по 300 рублей, для нас большие деньги.

После окончания 10 классов в 1953 году я был призван в Советскую армию. Служил на Дальнем Востоке в Приморском крае. Во время службы пришлось познакомиться с роскошной природой Приморья, с Уссурийской тайгой. Может, это знакомство в какой-то мере повлияло на выбор профессии после демобилизации. Но любовь к природе, к лесу у меня наследственная. Выбрав профессию лесовода, я оказался лесником в 4-м поколении. Лесниками были мой отец, дед по матери и прадед по отцу.

Демобилизовавшись в конце 1956 года, я нашел дома дедушку, готовящегося к выходу на пенсию. Видя, с какой горечью он расстается с лесным обходом, я по его совету принял его обход, устроившись на работу лесником в Андреапольский (бывший Ленинский) лесхоз.

Сразу поступил учиться в Лисинский лесной техникум Ленинградской области на заочное отделение, который закончил в 1960 году с отличием, получив специальность техника-лесовода.

В 1961 году поступил в Ленинградскую лесотехническую академию, которую окончил в 1967 году, тоже заочно. Таким образом я связал свою жизнь со служением лесу.

До 1968 года работал лесничим в Андреапольском лесхозе, где была посажена не одна тысяча гектаров лесных культур. Зарплата лесничего с высшим образованием составляла тогда 75 рублей в месяц, это были хорошие деньги.

В 1968 году приказом Калининского Управления лесного хозяйства я был переведен на работу в Торопецкий лесхоз на должность главного лесничего.

На выбор нового места работы повлияли семейные обстоятельства. Жена Александра Тимофеевна – коренная торопчанка, мы с ней поженились в 1960 году.

Проживая и работая в Торопце, постоянно посещал места прежних посадок лесных культур на андреапольских землях, родную деревню Дудино.

Но 2 мая 1987 года Дудино перестало существовать. В деревне уже никто не проживал, а оставшиеся без жильцов пустые дома все до одного сгорели от зажженной кем-то сухой травы. Так уничтожались многие русские деревни.

В прошлые годы мы с компанией из оставшихся в живых деревенских ребят часто собирались в Дудино. Деревни уже не было, ночевали у костра на берегу реки Городня.

После одной из таких встреч у меня родилось стихотворение, я назвал его «Воспоминание о Дудине»:

Веет свежестью ночь Дудинская,
Собрались друзья у огня.
Ты на веки мне стала близкою,
С детства милая Городня.
    Вспоминали мы годы давние,
    И вставала жизнь наяву...
    Как дружны были дети мамыны,
    Как топтали мы босиком траву.
В тишине ночной с птичьим лепетом
В нашей памяти каждый день вставал,
Вспоминали мы с нежным трепетом
И колхозный двор, и Петрухин вал.
    Размечтались мы – уж идет рассвет,
    Чуть дымит костер и шумит вода.
    Вроде все вокруг, как и много лет,
    А деревни нет – велика беда!

В суете мирской все торопимся,
Всех сманили нас города.
Может быть, к тебе мы воротимся,
А скорей всего никогда.

Сейчас из той ватаги довоенных ребят в живых остались только двое: я и мой детский товарищ Тимофеев Петр, он живет в Андреаполе. Мое поколение уходит из жизни вместе с теми, кто непосредственно сражался с врагом с оружием в руках.

Я отношусь к тому поколению, которое именуют сейчас «дети войны». Меня как-то смущает такое именование нас детьми, потому что у детей как минимум должно быть детство. А его не было. Но я никогда не считаю себя обделенным судьбой за такую долю, наоборот, считаю за счастье, что мое поколение не было прожигателями жизни. Я все реже вспоминаю трудности тех лет, но никогда не забуду то ликование страны, которое испытал 9 мая 1945 года.

Память детства тем и дорога, что она всегда светла и не меркнет с возрастом. Да, радость победы была велика. Но наша православная вера, русская душевная доброта не позволяли злорадствовать даже над поверженным врагом. У нас была и другая причина радоваться. Испытав все ужасы войны, мы думали, что уже теперь-то мир поумнеет, что эта последняя война, что наступил наконец-то мир на земле.

Но не наступил мир, не поумнели люди. Разве это мир, когда военный огонь постоянно полыхает не только за пределами нашей страны? Полыхает он и внутри нас, гибнут наши дети и внуки. И мое поколение несет, как минимум, моральную ответственность за то, что случилось со страной. Если бы поколение воевавших в Отечественной войне не понесло такие невосполнимые потери, я уверен, они бы не допустили того, что с нами стало. А мы, следующее поколение, спасовали перед мерзавцами, оказались слабаками.

Наверное, есть высшие силы, которые не оставляют безнаказанным не только подлость, но и малодушие...

«Но жизнь имеет только тогда прелесть, когда состоит из

чередований радостей и горя, из борьбы добра со злом, из света и тени, словом, из разнообразия в единстве. Давайте же жить на земле, пока живется». Справедливые слова сказал П.И.Чайковский. Все это я почувствовал на примере своей жизни. И что бы ни было, считаю себя счастливым человеком.

Посвятив себя служению лесу, я нашел в своей профессии полное удовлетворение, был влюблен в свое дело и одержим этим делом.

На землях Андреапольского и Торопецкого районов не одна тысяча гектаров леса произведена мною лично или с моим участием. Можно сказать, что моя жизнь в этих двух районах переплелась, как корни деревьев в лесу.

В годы работы начальником лесной семеноводческой станции мне удалось собрать клоновое потомство большинства элитных деревьев сосны и ели со всей нашей области.

Такой селекционно-клоновой участок на площади 7 га заложен на берегу озера Сельское, там размещены клоны с 41 элитного дерева сосны. На площади 80 га заложена семенная плантация для заготовки семян с улучшенными наследственными качествами.

Работы выполнялись путем прививки черенков элитных деревьев на подвой саженцев, выращенных на нашем лесном питомнике. Это кропотливая работа, подобная садоводству. Считаю, что это хорошая память о моей работе.

Большую – вторую половину жизни (с 1968 года) – живу в Торопце и считаю за счастье, что мне довелось жить и работать в этом городе. Когда приходится бывать где-то вдали, я с гордостью называю свой город, куда приехал много лет назад. В свое время Торопцу я посвятил такие строки:

Мой город

Зову его своим

И он не возгордился,

«Мой город», – говорим,

Хоть я в нем не родился.

Пусть он и не велик,

Совсем не мегаполис;
Людьми он даровит –
С любым могу поспорить.
Открою свой секрет:
Когда еще был молод,
Мне ленинский билет
Доверил этот город.
Давно за пятьдесят.
И в возрасте отцовском
В восторге от ребят
С задором комсомольским.
Влюблен не по летам
В края твои с лесами.
Милы они, как там,
Где дом я свой оставил.

В личной жизни я тоже нашел счастье. В августе 2010 года с женой Александрой Тимофеевной справили золотую свадьбу. Все заповеди в жизни выполнили. Дом построили, вырастили двух дочерей, обзавелись тремя внуками, посаженные деревья растут. Перейдя в 1994 году на пенсию, возглавил ветеранскую организацию Торопецкого лесхоза, председателем которой являюсь до сих пор. Любимым делом остается пребывание в лесу, работа на земле на дачном участке, чтение книг, без которых не могу прожить дня. Времени для этого появилось больше, а любовь к книге с возрастом не ослабела. Жизнь продолжается.

Зилгалова Антонина Григорьевна

1931 года рождения, девичья фамилия Григорьева. Родилась я на хуторе Малые Имшары. Нас было две сестры: я и Тамара, она с 33-го, младше меня на два года.

Переходили мы с хутора в 40-м году, в Воробьи. В июне в 41-м началась война, а в августе уже у нас были немцы. Мы за четыре километра отъезжали в лес, от немцев уехали.

У нас была бабушка старая, парализованная. Мы ее с мамой оставили на дороге около камня, под горой: «Как устроимся, приедем за тобой...» Вернулись за ней в тот же день, к вечеру. Перед этим рядом с бабушкой разорвался снаряд, как только ее не зацепило... Увезли ее тоже в лес.

В лесу жили две недели. Поросята, куры у нас были дома оставлены, а коров отогнали с собой в лес. И вот через день-два пасем коров, видим, немцы едут. Мы бегом. А женщины вышли на гору, немцы им кричат, чтоб руки вверх поднимали. И поехали эти немцы в Скворцово.

Потом через дня два-три солдаты наши прошли, выходили из окружения. Потом мы вернулись домой. Пошли женщины наши в деревню покормить скот, а немцы заставляют: «Идите домой!» Ну, все домой и вернулись.

Немцы у нас не долго были. Сильно нас не притесняли, но нахальные, конечно, были немцы. Вот где Пожня, тут у них обозы стояли.

Мы, ребята, бегаем, собираем банки, ерунду всякую собираем. Они сидят газеты читают, и оправляются тут же, им нипочем, что мы рядом. Сильно плохие были такие рыжие немцы, это как сорт у них другой. Забыла, как их называли, соседка – та помнит...

К нам повадился немец ходить за молоком, нормального сорта, не рыжий, и молока немного брал, чтобы ребятам оставалось. Показывал фотокарточки, у него тоже таких две девочки. А все равно говорит: «Москвы капут!» Хоть хороший, хоть нехороший, а все «Москвы капут»...

Женщины уходили на работу, а у нас дома любили собираться ребята. В этом краю было одиннадцать девчонок! В нашем доме собирались еще потому, что у нас бабушка лежала парализованная. Как-то раз сидим, приходят эти рыжие. Посчитали ребят, говорят: «Тьфу!» Видят, куча ребят и баба старая... И пошли они к соседке, к Плуженковой Анне.

Она баба такая матюжная была, не боялась их. Как она их матом! А они у нее устроили штаб и жили. И хлеб еще едут енный! Она от них буханку отнимает, и матом! а они ей: «Матка, матка, пук! Пук!» Мол, застрелим. Все равно их не боялась. «Я тебе пукну, – говорит, – я тебе пукну!..»

У нее племянница была, Фроська, и другие девки – молодые, красивые. Немцы хотели с ними гулять. Как только немцы к ним подвязываются, девки сразу за бабой Ньюшкой, та их быстро угомонит...

Где-то немцам попалась партизанка. И вот бегут они за ней, а она уже бежит мимо нас. Куда ей деваться: к нам нельзя, побегла на край, там тетка Наташка жила.

Партизанка ей говорит: «Женщина, дайте мне что-то делать, или шить, или вязать, что-нибудь...» Та быстро ей дала шить, она шьет. Немцы, пришли в избу: «Матка, партизан!» «Ну, ищите...» Ищут, не нашли никого. А девка эта, партизанка, сидит шьет. Наташка немцам говорит: «Партизанка бегла под гору» Они под гору, а партизанка отсидела, потом ей Наташка говорит: «Ты уходи, а то нас убьют». Так и ушла.

Помню, как немцы уходили. С собой они гнали наших пленных. Жутко было это видеть. Мы выходили на дорогу, но немцы к пленным нас не подпускали.

Потом нас бомбили. Одна бомба попала в дом, хозяйка в печку клала дрова, так ее и убило. Еще одну женщину немцы убили с самолета.

Вот так мы и жили. Голодно было очень, но выжили. Отец с войны вернулся в 46-ом. Он шел с госпиталем. Был такой врач Яропольский, очень хороший врач. Вот с ним с госпиталем отец дошел до Берлина.

После войны мы работали много, так теперь не работают, как мы работали. Я еще раньше, с 12 лет работала. Почту носила со Скворцова, 12 километров. Мамка проведет лесом, а там плакавши бегу.

На быках работала. Мужики едут на конях, а я сзади на быке, сажу в ящике на санях, еду в Скворцово за удобрением. В молодости была звеньевой, в 53-ем году меня поставили бригадиром. А в 55-ом взяли в бухгалтерию, и там уже я проработала до конца, до пенсии.

... Все равно было хорошо. И голодно, и холодно, и одевать нечего, но все равно было весело. Нам веселее было, чем нынешним. Что это за гулянки у них, никакие гулянки... А у нас, бывало: выйдем на улицу, идут люди со всех сторон, со всех деревень, гармони играют! Весело было...

Корнилова Тамара Ефремовна

Родилась в 1931 году 16 сентября в Андреаполе. Родители были обыкновенные простые люди. До войны мы неплохо жили. Отец работал заместителем начальника пожарной охраны, мама работала в больнице. С началом войны эта больница стала госпиталем. Отец где-то уже в июле был взят на фронт. Прошел всю войну, дважды был ранен, вернулся домой инвалидом второй группы.

С нами жили дедушка и бабушка. Я и они – мы были иждивенцами. Работала одна мама. Работающих лучше снабжали, а нам полагалось в день по 300 г хлеба. За хлебушком ходила я в столовую с двумя военными котелками, потому что кроме хлеба еще что-нибудь наливали в эти котелки.

Неподалеку от нас было заготзерно и большущая такая труба, немцы любили это бомбить. А мы с бабушкой очень боялись бомбежки. У нас была большая русская печка, и под нее лаз. Бабушка, бывало, заберется туда, и я за ней, когда дома никого нет. А мама нам объясняла, что туда забираться нельзя: вдруг все рухнет, уже оттуда не выберешься.

В конце августа объявили, что немец вышел из Торопца, идет на Андреаполь. Мама вместе с госпиталем должна была эвакуироваться в Конаково. Мы жили недалеко от вокзала, но пока она заскочила за нами домой, поезд уже ушел. Мы увидели только его конец. Так мы оказались в оккупации.

Немцы всякие были, конечно. Но первое, что осталось в памяти: на рынке была сделана виселица. Я помню, как было повешено три человека. Лидия Сидоренко тогда повешена была.

Насмотревшись на все эти страсти, мы решили, что пойдём в деревню Старое, к семье папиного брата. Думали, что немцы туда не придут, а они понаехали на мотоциклах очень быстро. Стали все отбирать: «Матка, мясо, матка, яйца!» Брали такую палку длинную, били по ногам кур, те падали, они их собирали и приносили нам чистить. Потом разжигали во дворе костер, жарили этих кур, ели. Разграбили пасеку: залили водой, пчелы

погибли, а немцы забрали себе мед.

Потом появились партизаны. Как-то они забрали в плен большого немецкого начальника. Немцы всегда за это карали. И они вот построили всех нас в колонны, куда-то повели. Прошли мы, наверное, километра четыре. Тут в небе появились самолеты, началась стрельба. А рядом было несжатое поле. Мама меня за руку схватила, сама встала на колени, меня на колени, и мы по этому полю поползли к лесу. А лесом шла моя двоюродная сестра Нина. Мы еще раньше заметили, что она куда-то пропала. Нина была такая отчаянная, и вот когда нас всех выводили и строили, она успела скрыться. Взяла корову, и вместе с коровой шла за нами следом, только по лесу. И вот лесом дошли мы до первой деревни, зашли в первый дом. Народ тогда был добрый, помогали друг другу. Хозяйка и говорит: «У меня муж и два сына в армии, я одна. Оставайтесь у меня». Она нас приютила, так мы и остались там жить.

А потом началось наступление. Ночью мы замечали, как летят трассирующие пули, они с таким огоньком летят. А Нина и еще молодежь решили сходить в Старое, посмотреть, что там немцы оставили. Дом дяди остался цел, но немцы все внутри разгромили, даже подушки штыками проткнули, перья по дому растрепали. У дяди была сделана небольшая такая кирпичная плита. Так вот, подполье было открыто, и эта плита туда опрокинута. Все было разграблено, разломано, но хоть дом остался цел, и все мы потом вернулись туда.

Потом, когда немцы из Андреаполя ушли, дедушка с мамой уже пошли смотреть, что с нашим домом. Дом был разбит, дедушка стал его ремонтировать, а мама устроилась медсестрой в открывшийся медицинский пункт. Когда дом был отремонтирован, еще долго в зале был такой квадрат, как дыра, там были застланы доски – наверное, раньше туда попал снаряд. Было страшно: хоть немцы ушли, война еще не кончилась и бомбежки продолжались.

Вскоре я снова пошла в школу. Первая моя учительница – Ольга Ниловна. Когда во время войны мы начали учебу, она

нам была как мать. Школа была за мостом через Западную Двину, и мост этот часто бомбили. Бомбежка начинается, она нас запирает в угол, руки расставит – так она нас защищала. Кончится бомбежка, опять садимся за уроки. Вот тогда у меня появилась мечта стать учителем: я хотела быть похожей на Ольгу Ниловну.

Кстати, уже я была постарше, когда за хорошую учебу хотели отправить меня в Артек. Но я так была напугана войной, что боялась ехать куда-то далеко от дома: а вдруг что случится... И вот сколько меня ни уговаривали, никуда я не поехала.

Закончив 8 классов, я поступила в Торопецкое педучилище. Четыре года отучилась и стала учителем начальных классов. Потом поступила в Великолукский пединститут. Когда еще училась в училище, познакомилась с будущим мужем, Василием Корниловым. Закончив институт, вышла за него замуж и переехала в Торопец. Работать я пришла в Пятую школу (теперь школу №2), в ней и проработала много лет.

Куница Эльза Ивановна

Родилась я в крестьянской семье на Хуторе Давыдовом в 1929 году. Прабабушка моя была еще крепостной. После революции 1917 года нарезали крестьянам хутора. Вот на таком хуторе Давыдове и родился мой отец. Семья деда была большой – 9 детей.

Мой отец Иван Давыдович был мастером на все руки: и столяр, и плотник. Такими же работающими были и его братья, один из них был портной, шил шубы, другой, Александр, из Пятницкого – сапожником. Еще один брат промышлял охотой. Но умели они делать абсолютно все.

В семье никто не сидел без дела. Женщины шили, ткали и вышивали, делали всю работу по хозяйству. В доме и во дворе, несмотря на то, что держали большое хозяйство, было чисто, все убрано. Ничего не валялось просто так – каждая вещь на своем месте.

Когда создавались колхозы, мои родители тоже вступили. Работали сначала в Знаменском, потом с хутора нас переселили в деревню Бридино. Мама Мария Сергеевна положила живот на колхоз: пахала, косила, сеяла, жала. И дом был на ней, хозяйство надо содержать. Она была умелицей: вязала, ткала, шила. Некоторое время она работала бригадиром. Родители работали не покладая рук и в колхозе и дома.

В семье, кроме родителей, жили мы с сестрой, иногда наездами жила бабушка со стороны матери. Другую бабушку, мать отца, я не помню, она рано умерла. Отец меня научил грамоте, и я даже читала ему газеты. Так что когда в 1936 году в Бридине открыли новую двухэтажную школу, я пошла в первый класс, уже умея читать.

Детей в школе было много, даже сдвоенные классы делали. В одной комнате занимались 1-й и 3-й классы, а в другой - 2-й и 4-й. Помню, когда я училась в школе, Блюхера и Тухачевского объявили врагами народа и нас заставили заклеивать их портреты.

До войны в колхозе был большой табун лошадей, стадо коров. Мой дядя был животноводом. Каждый день бидоны молока отправлялись на сырзавод.

Все поля были засеяны. В конце отчетного года колхозникам привозили мешки с зерном, сгружали прямо во дворе. Муку мололи у себя на жерновах или возили на мельницу. А потом и деньги стали давать за работу. Да и каждая семья имела обязательно корову, держала кур, уток. Так что до войны в деревне жили очень хорошо и весело. Кто не имел жилья, жил в двухэтажном доме Коммуны.

В деревне был магазин, детская площадка, большой клуб, часто привозили кино. Было очень много молодежи. В клубе такие устраивались танцы, – из города приезжали. Девочки нарядные, носочки беленькие, платья носили клеш. Гармонистов много было из разных деревень и из города. Они играли, соревнуясь между собой, кто из них лучше.

После окончания школы молодежь чаще всего уходила учиться дальше. Кто-то оставался работать в колхозе.

О начале войны мы узнали по радио. В канцелярии висела такая черная тарелка-радио, из которой мы и узнавали все, что происходило в стране. Вскоре в деревню приехали представители военкомата. В армию мобилизовали почти всех мужчин в деревне. Ушли на фронт и братья отца.

Скоро со стороны Великих Лук по большаку, который пролегал недалеко от Бридино, стали гнать скот, в основном коров. В нашей деревне была партийная ячейка, поэтому эвакуация скота была организовано очень четко, быстро.

Молодых скотниц, незамужних, назначили этот скот сопровождать в тыл. Часть лошадей из колхоза забрали для фронта, а часть раздали колхозникам, посоветовав им уезжать в эвакуацию, кто куда сможет.

Под Великими Луками фронт держался долго, почти целый месяц до нас доносилась канонада. Было слышно очень хорошо. Мы понимали, что там идут бои.

А вскоре мимо деревни потянулись беженцы. Часто над ними

появлялись немецкие самолеты, которые, как правило, летали звеньями. По ним стреляли наши зенитки, но так как самолеты летели очень высоко, то, конечно, эти выстрелы были для них не опасны. А на небе после выстрела появлялись небольшие, похожие на клочки ваты облачка. Беженцев с самолетов не расстреливали, ведь они летели бомбить определенные цели.

А за беженцами вскоре на большаке появились наши отступающие солдаты. Они хорошо были видны из деревни. Многие были без шинелей и даже без оружия, в обмотках, смотреть жалко было на наших воинов. Дороги были запружены отступающими, и часть их пробиралась лесами.

Мы отъехали из Бридино на два километра, к деревне Папортно. Во время остановок подкармливали красноармейцев, картошку им варили, поддерживали их как могли. Однажды появились два наших самолета, небольшие, легкие, они несколько раз пролетели над большаком, но были сбиты, и летчики выбросились на парашютах.

Отступающих и беженцев было много, и однажды даже командир попросил нас освободить дорогу. Сказал, что «вся Россия не убежит. Дайте армии пройти». Отступала наша армия, как говорится, пешедралом. А вот немцы – ехали. Это было 31 августа. В сентябре появились первые немцы. Они ехали на громадных машинах, следом за ними – мотоциклисты.

Все у них было организовано четко, за солдатами шли дорожники, которые ремонтировали дороги, мосты. Это были, в основном, пожилые немцы. Поселили их в домах колхозников. У нас жило 5 человек. Они были скромные, непритязательные, никого не утруждали. Постелили себе соломы на пол и на ней спали. Показывали нам фотографии своих семей. По ним было видно, что жили они у себя в Германии бедно.

Иногда делились с нами хлебом, хлеб, правда, был невкусный, как опилки. С нашим настоящим и не сравнить. Сыр какой-то давали, завернутый в фольгу, старый. Все дорожники были с ранцами, обшитыми кожей.

А вообще, все немцы экипированы были хорошо, на много

лет вперед. Сапоги подкованные, с раструбами. Но одежда их не спасла от морозов, поэтому они обирали народ.

Когда немцы пришли в деревню, то стали ходить по домам. Идут по улице, а из автоматов стреляют в лес. Начали грабить и одежду, и скот. А как ловко-то кур валили. Войдут во двор и сразу: «Матка, курка, матка, яйца». Многие говорили нам, что «Сталин капут».

Немцы колхоз не трогали, им надо было, чтоб мы на них работали. А мы работали плохо. Скирды сожгли еще до прихода немцев, лошадей не было. Вручную приходилось молотить зерно, которое потом раздавали колхозникам.

Немцы как пришли, так устроили бойню для скота. У нас над рекой были хлебные амбары. Так их превратили в бойню. Так у них интересно получалось – туда заходит корова, а из другой двери на машину уже грузят тушу. Забивали коров, свиней. Кровь из бойни рекой текла. Охраняли ее немцы с автоматами. А ливер, внутренности, иногда кидали колхозникам, подходил народ, хоть и с опаской.

Видели мы, как немцы на мотоциклах, с собаками гнали большаком наших пленных. Гнали в сторону Торопца. А потом наши женщины привозили пленных из Торопца. Как-то они уговаривали немцев их отпустить, говорили, что это их родственники, или просили отпустить для работы. Несколько таких случаев было.

Постоянно немцы в деревне не жили. Появлялись они наездами. Иногда мы видели, как они ездили мимо. Полицаев в деревне тоже не было. Но мы все равно жили как на иголках. Из дома в дом боялись ходить, а вдруг застрелят? Особенно страшно стало, когда в деревне появились эсэсовцы. Приехали на лошадях, пограбили народ. Но зверств особых в деревне не было, даже коммунистов не тронули, никто их не выдал. А вот на карательные операции они выезжали. Под Великими Луками их сильно потрепали.

В облуге у них были чехи. От них мы узнали, что ни Москва, ни Ленинград не взяты. Они боялись что им, наверное, тут конец

будет. А уж после разгрома немцев под Москвой, чехи, которые сами ненавидели немцев, говорили, что хотят быстрее сдаться нашим. К нам они относились дружелюбно.

Помню, как немцы отмечали Рождество, у кого-то из колхозников забрали и забили корову. По домам ходил немец Вильгельм, Вилька, как мы его звали, проверял, все ли в порядке.

В оккупации мы были недолго. 18 января в деревне появились два разведчика на лошадях. Спросили, есть ли немцы в деревне. А немцы уже уехали.

Наши шли через болото, одеты были хорошо, не так как при отступлении. Армию нашу уже было не узнать: все в полушубках, в валенках, с автоматами. Танки тяжелые были, назывались «КВ».

Недолго задержалась армия у нас в деревне. Пошли войска в сторону Великих Лук. Немцы из Лук уже ушли. А сил сразу взять город у наших не хватило, наверное, было мало резервов, и немцы опять вошли в город. Поэтому очень долго его освобождали. И полегли тысячи и тысячи красноармейцев под Великими Луками.

В деревню привозили раненых из-под Лук. В школе оборудовали госпиталь. У нас жили санитарки. Тяжело им приходилось. Иногда среди ночи разбудят их – машины с ранеными пришли. Придут домой, поспят немного и опять бегом на работу.

Жили в деревне и корреспонденты армейских газет, среди них известные писатели Фадеев и Полевой. У многих жителей еще долгое время были книги с их автографами. Здесь у них как бы стоянка была, а сами они выезжали на фронт, возвращались в деревню, писали свои статьи и опять отправлялись в район боев. Как только в деревню вошли наши войска, сразу же появились особисты. Начались аресты. Были арестованы пленные, которые жили в семьях, женщина, на которую кто-то донес, что она вовремя оккупации сорвала со стены портрет Сталина, топтала его ногами и обвиняла вождя в том, что довел страну до такого позора.

Арестовали и дядю моей матери, который был назначен немцами старостой. Назначили его потому, что он в плену был и немного знал немецкий. Ничего плохого людям он не сделал, наоборот, подсказывал, когда немцы собирались скот забирать, чтобы мы успели спрятать свою скотину. Помню, как он арестованный сидел у нас дома, повесив голову.

Судьба арестованных мне не известна, может, в штрафбат отправили, а женщина отсидела 5 лет, такой срок ей дали, несмотря на то, что пятеро детей остались сиротами. А старосту расстреляли. И никто не знает, где его могила.

Уже после войны его сын, который работал в Генеральном штабе в Москве, приезжал в деревню и расспрашивал народ об отце. И никто о нем слова плохого не сказал, ведь он никого немцам не выдал. Все вспоминали, как много хорошего он сделал для людей.

Особисты стояли у нас долго. Нас выселили из дома. Сначала мы жили в Речанах. Потом к весне попросились, чтобы нам разрешили вернуться домой. Ведь надо было сеять, пахать, работать в колхозе. Переехали в какой-то ветхий домишко. Потом ютились как могли и в сарае, и хлеву, где и родилась моя младшая сестра.

А эти в доме жили хорошо, комфортабельно. Два офицера и две машинистки. Рядом в соседнем доме жил их генерал.

Весной надо было браться за работу: пахать, сеять. Ни коней, ни коров не было. Прислали каких-то бычков. Полей много, сдавать много надо было продукции государству. Что делать? Брали в руки лопаты и копали, сотку шагами вымеряли. Лен жали, мотыжили. Голодали, конечно, есть хочется, а работать надо.

Какое-то время еще продержались на том, что оставалось из личного хозяйства, а потом наступил голод. За палочки ведь работали, за трудодни.

К осени, перед тем как ребятишкам идти в школу, госпиталь освободили. До войны я закончила 5 классов. В 42 году набора в 6-й класс не было, так как многие наши подростки были

мобилизованы для работы на военных заводах в Нижнем Тагиле. Отец был мобилизован на ремонт школ в районе. Фашисты во время оккупации много разрушений сделали, поэтому и пришлось после освобождения, наряду с другими объектами ремонтировать школы, вот и отец ездил по району.

А я поступила в 6 класс 1-й школы в городе Торопце. Здание школы было занято под госпиталь, а школу перевели на улицу Ленинградскую.

В городе школьникам были хлебные карточки 300 грамм в день. В школе ежедневно выдавали на перемене кусочек сахара, чтобы ученики в обморок не падали.

Жила я у родственников, у материного дяди Бурмистрова Якова Семеновича на Ленинградской улице. Тогда это был дом № 10. Бурмистров работал на спиртзаводе рабочим. Жена его была из мещан, довольна зажиточная. Дом, в котором они жили, принадлежал ей. Дом был хороший, стоял на горе, и в нем был глубокий подвал в рост человека.

Почти рядом проходила дорога на вокзал, рядом был лес. Может быть поэтому приехавшие осенью квартирьеры выбрали его для штаба. Одну половину нашего дома оставили нам, а в другой половине, где была еще одна боковушка, – поселили генерала. Машины понаехали, охрану поставили и на улице, и на лестнице. Во дворе постоянно находились офицеры. Приезжают, уезжают и среди них только и слышны разговоры: «Жуков примет?», «Жуков дома».

Так мы и узнали фамилию своего постояльца. Но тогда мы не знали, что он будет так знаменит. На вид это был совсем простой человек: серьезный, невысокого роста, очень простой в обращении. Простой был человек.

Часто просили для него поставить самовар, а иногда он сам на кухню выходил чай пить, разговаривал с нами запросто. Очень похоже в военных фильмах его играл Михаил Ульянов.

Постоянно в той половине дома, где он жил, проходили совещания, карты были там развешаны, слышно было, как шуршали картами, наверно, намечали проведение операций.

Иногда он уезжал на целый день, но к вечеру возвращался, и странное дело, как вечер, так над городом появляются немецкие бомбардировщики. Хотя бомбили в основном железную дорогу, но и городу доставалась, во время одного из ночных налетов была уничтожена школа на Ленинградской, в которой я училась.

Когда бомбили где-то рядом с нашим домом, мы с нашими постояльцами спускались в подвал. У меня была шапка красная, так Жуков шутил, что это хороший ориентир для бомбежки. Если бы я знала, что потом он станет таким известным и знаменитым, человеком-легендой, конечно, я бы запомнила его получше.

А сейчас, когда я, вспоминая войну, рассказываю своим собеседникам о том, что знала Жукова, мне не верят. И смотрят на меня как на ненормальную. А я точно знаю – это было! Был в Торопце штаб и около недели жил Георгий Константинович Жуков.

После того, как из здания 1-й школы вывели госпиталь, мы вернулись в родные стены. Хорошо помню учителей Екатерину Павловну Зимину, Екатерину Ивановну Кунтышеву.

Помню, как я не любила химию, и Татьяна Антоновна Свентикова, поставив мне на экзамене четверку, тем не менее не советовала мне поступать туда, где надо сдавать этот предмет.

Но так получилось, что закончив 10 классов, я поступила в Ленинградский фарминститут, и пришлось мне изучать аж 8 химий. Выбрала этот институт по одной причине – там учиться надо было 4 года, на год меньше, чем в других институтах.

В то сложное послевоенное время это было важно. Ведь все еще существовала карточная система, и время было голодное. Надо было быстрее получать профессию.

После окончания учебы я полтора года проработала заведующей аптекой в Андреаполе. Работы было много, не хватало лекарств, многие растворы готовили сами.

Из Андреаполя меня направили в Великие Луки, где я много лет проработала заведующей аптекой. Аптека была неплохой, одной из лучших в области, носила звание «Коллектив

коммунистического труда», и даже опыт к нам приезжали перенимать. Делегаций много приезжало. Когда мне исполнилось 57 лет, я ушла с руководящей должности, а через пять лет и на пенсию.

С Великими Луками оказалась связана большая часть моей жизни, здесь я вышла замуж, родила сына, и проживаю в настоящее время.

Летом я в деревне. Теперь это дачный поселок. Старожилов 1-2 человека – вдовы за 80 лет.

Где те поля, что колосились зерновыми, где рос лен? Заросли, заболотились луга. Те 40 соток, что кормили колхозников, зарастают лесом. Река и та заилилась, зарастает.

О водопроводе, ферме, магазине давно забыли. Молоко, хлеб, продукты 1 раз в неделю привозит автолавка. И на том спасибо.

Новиков Леонид Михайлович

Я помню себя примерно с трехлетнего возраста. Всю свою жизнь я помню тот печальный день, когда мы должны были похоронить мою старшую сестру Нину. В то время мы жили в пос. Пено Калининской области. У меня было три сестры: Нина, Женя и Валя. В тот жаркий летний день Нина с Женей пошли купаться, и Нина утонула. Было ей тогда десять лет. Я запомнил день похорон, помню, как мою сестру выносили из дома, но я тогда не понимал, что в нашей семье произошла огромная беда, потому что вообще еще не понимал человеческих бед и страданий.

Жили мы в то время бедно. Помню, что мать иногда ставила в пример наших соседей. Она говорила отцу: «Ты посмотри, Миша, как наши соседи живут. У них тоже дети, но их жизнь отличается от наших детей...» У нас тогда украли корову, мать говорила о том, что нужно заявить в милицию, но отец решил, что с бандитами связываться опасно. «А разве не опасно детям недоедать того, что им положено есть?» – спрашивала мама.

Да, мы по сравнению с другими жили бедно. Ни у меня, ни у моих сестер не было никаких игрушек, кроме тех кукол, которые они делали сами. Однажды у нас появилась общая игрушка. Тогда к нам из Ильино приехал дедушка, мамин отец. Он с толстого кряжа напил колеса и сделал для нас тележку, в которой сестры меня катали. Прошла почти вся моя жизнь, но я и сейчас помню эту тележку, нашу с сестрами радость и их веселый смех. Им было весело катать меня, и я был счастлив от того, что сестры меня любят.

Были у нас дедушка с бабушкой, родители отца, которые жили на станции Соблаго. Хотя это очень близко от Пено, но они почему-то к нам не приезжали. Один раз, когда мне было лет пять, я с родителями был у них в гостях, мы пили чай с конфетами, облитыми кофе. Эти маленькие конфетки мне очень понравились.

Незадолго до Великой Отечественной войны мои родители

решили переехать в совхоз Подгороднее Торопецкого района. В совхозе нас поселили в бараке, где мы и стали жить дружно с соседями. Но, проработав полгода, отец поддался на уговоры встретившего его вербовщика и решил поехать на станцию Брылево. Там он заключил с лесоучастком договор, по которому производил заготовку и вывозку дров для Кувшиновской бумажной фабрики. Расценки были небольшие, и своей вербовкой отец только ухудшил нашу и без того трудную жизнь.

Отец хорошо разбирался в лошадях, он умел их лечить от многих болезней. Вскоре его поставили работать конюхом, а потом повысили в должности – он стал старшим конюхом лесоучастка. Обращаться с лошадьми отец научился, когда в молодости служил в кавалерии и участвовал в боях с белогвардейцами. Однажды он сильно пострадал от удара лошади. Как рассказывал отец, тогда командир приказал привести к нему лошадь, но не предупредил, что она, кроме него самого, никого к себе не подпускает. Отец протянул руку, чтобы схватить ее за уздечку, но она сделала необыкновенно быстрый разворот и задней ногой ударила ему в зубы. Отца поместили в госпиталь, а отряд, в котором он служил, отправился на боевое задание. Живыми с этого задания вернулись лишь немногие. Но отца спас несчастный случай.

На новом месте отец вначале жил один. В письмах мать просила его скорее приехать за семьей, убеждала, что вместе жить будет легче. В 1940 году, в сентябре месяце, наша семья, наконец, воссоединилась. Я вместе с сестрами пошел учиться в Брылевскую начальную школу, которая находилась километрах в четырех от железнодорожного поселка. В этой школе я закончил первый класс, когда началась война.

Великая Отечественная война началась для всех неожиданно, хотя народ предчувствовал ее. Многие говорили, что война кончится скоро, но вскоре все поняли, что она будет продолжительной и суровой. Приказали делать светомаскировку. Однажды жители поселка услышали гул летящего самолета. Звук походил на шум мотора тяжело

груженой машины, поднимающейся в гору. Услышав этот нудный грозный звук, мы не знали, что к нам приближается смертельная опасность. Но, к счастью, самолет не долетел до поселка километра полтора. Вдруг со страшным воем к земле полетели бомбы. Находящийся на улице инвалид финской войны, у которого не было одной ноги, закричал: «Ложись!» Все как один, упали на землю, хотя ранее никто, кроме инвалида не слышал такой команды. Через несколько секунд последовал очень сильный взрыв. По количеству и величине воронок, образовавшихся в лесу, недалеко от железнодорожного полотна, мы узнали, что с самолета было сброшено две больших авиационных бомбы. Тогда мы, ребята, принесли в поселок невиданные до этого дня трофеи: небольшие, величиной с ладонь, очень острые осколки. Это было 25 июля 1941 года – в этот день все жители поселка прошли боевое крещение, которых впоследствии будет много.

Помню, был ясный солнечный день. Я прошел через железнодорожные пути, направляясь на поле за щавелем. Вскоре я услышал звук немецкого самолета. Он был очень далеко в небе и казался размером с небольшую птицу. В это время по одному из путей на станцию прибывал поезд, на стенках вагонов были нарисованы красные кресты. В таких поездах возили раненых. Я снова посмотрел на небо в том направлении, где был виден самолет. К моему удивлению, его размеры сильно увеличивались, и поэтому я стал искать укрытие. Невдалеке была эстакада, я быстро добежал, залез под нее и опять стал следить за самолетом. Вскоре я увидел, как с него сбросили бомбы. Они летели одна за другой и быстро увеличивались в размере. Раздался жуткий вой и грохот взрывов. Бомбы упали рядом с линией, на которой стоял санитарный поезд с ранеными, я слышал их громкие стоны.

От отца несколько месяцев не было никаких вестей, и мы очень беспокоились за него. Но потом пришло письмо, в котором отец писал, что ранен и находится в госпитале, но ранение не тяжелое, поэтому долго там не задержится. Он писал, чтобы

мать берегла нас, и чтобы мы слушались ее, помогали матери в работе. Мы были очень рады этому письму и надеялись, когда обстановка на фронтах улучшится, отец хотя бы на несколько дней прибудет к нам в краткосрочный отпуск. Но этого не случилось. В 1943 году от него пришло второе письмо. Отец писал о том, что он тяжело ранен и едет в санитарном поезде в госпиталь. На этом письме связь с отцом навсегда оборвалась. На запросы матери в военкомате ей ответили: «Ваш муж, Новиков Михаил Никандрович, пропал без вести»...

Осенью 41-го года фронт находился близко от станции Брылево. В нашей школе разместили военный госпиталь, воинские склады и госпиталя были и в ближайших лесах. В ноябре в поселке разместился военный штаб. Он располагался в большом доме, где до войны была контора лесоучастка. В нашем доме поселился политрук Панков. В других поселковых домах разместили большой отряд военных. Штаб стоял в поселке до апреля 1942 года, и все это время у нас было спокойно, хотя фронт находился где-то близко.

В то время в поселок регулярно приезжала полевая кухня. Вначале повар обеспечивал питанием всех военных, а потом, когда возле котла, кроме повара, никого не оставалось, сбегались мы, поселковые мальчишки с котелками в руках. Правда, второе блюдо повар нам никогда не давал, а вот по полному черпаку вкуснейшего супа наливал каждому, и мы спешили домой, чтобы съесть этот суп всей семьей. Суп был до того вкусный, что я и до сего времени из сотен блюд угадал бы его по запаху.

Когда штаб перевели из нашего поселка в другое место, мы очень сожалели. После сытной поры для нас наступили очень голодные времена. Иногда случалось, что в доме поселялись военные, и кто-нибудь протягивал нам по кусочку сахара. Мама кипятила чугунок кипятку, мы садились за стол, и с одним кусочком выпивали по несколько стаканов чая, заваренного на маленькой горелой корочке. Пили медленно, маленькими глотками, чтобы растянуть удовольствие, и сидели за столом очень важные, словно большие господа, хотя кроме кусочка

сахара к чаю больше ничего не было.

В ноябре месяце на станцию приехал строительный отряд, состоящий из военных. Начали разбирать железнодорожный путь. В несколько дней были сняты все рельсы и шпалы. Их уложили в выкопанные тут же траншеи и все заминировали. Строительный отряд снова появился весной 1942 года, чтобы восстановить пути. В несколько дней справились с этой работой, и по линии снова пошла поезда: с военными – в сторону фронта, и оттуда – с красными крестами на вагонах, в которых было полно раненых.

Иногда раненых размещали у нас в поселке, в домах простых жителей, под присмотром медицинских сестер. Но на каждый дом по медсестре не хватало, тогда в случае необходимости звали медработника из соседних домов. Мне запомнился один случай. В нашем доме находилось шесть раненых бойцов. У одного из них из раны вдруг пошла фонтаном кровь. Струя крови чуть-чуть не достигала потолка. Боец в считанные минуты побледнел, как полотно. Еще немного, и он мог бы умереть от потери крови. Кругом лежали тяжелораненые, которые ничем не могли помочь своему товарищу. Меньше всех из нашей семьи растерялась моя сестра Женя. Ничего не говоря, она в одном платье, в валенках на босые ноги, выбежала за дверь. Через несколько мгновений в дом вбежала медсестра, расстегивая на ходу свою сумку с красным крестом. Для нее, опытной медработницы, не составило большого труда остановить вытекающую из вены кровь. Вскоре вернулась и сестра Женя, которую медсестра посылала за санитарями. Им было велено взять раненого и срочно нести к врачу, где-то в ближайшем доме делавшему операцию. На прощание медсестра сказала: «Спасибо девочке. Еще немного, и у бойца остановилось бы сердце из-за сильной потери крови». И еще она сказала: «У нас, медработников, страшная работа. Не потому, что в любое время могут убить, а потому, что часто на глазах умирает человек, но спасти его уже не в наших силах...»

На станцию часто подавали товарные вагоны под дрова. Когда

вагон ставили под погрузку, дома поселка обходил человек. Условия погрузки знали все. На один вагон ставили всего четыре человека, невзирая на их силу, возраст, и состояние здоровья. Женя, которой в 42-м году было всего пятнадцать лет, тоже ходила на погрузку вагонов. И как мне теперь стыдно, что с этого небольшого заработанного Женей куска хлеба мать отделяла часть мне и сестре Вале. Самой Жене, заработавшей хлеб с таким трудом, доставалось чуть больше нашего.

Когда созревали ягоды и грибы, мы с сестрами каждый день, если не было дождя, отправлялись в лес и там собирали до тех пор, пока Женя не скажет: «Все созревшие ягоды собрали, к другому дню созреют еще». Собранные ягоды мы обменивали на продукты. Этим занималась моя сестра. Она шла к останавливавшимся на нашей станции поездам с ранеными, подходила к медицинским сестрам. Из всех ягод особенно ценили чернику, потому что она очень полезна раненому для живота. Сестре в обмен на ягоды давали и съестное, и небольшие куски мыла, которое в то время было дефицитом. Мыло и особенно селедку в деревнях охотно меняли на картошку, за которой меня отправляла мать.

Когда появлялись грибы, меня освобождали от сбора ягод. Походы за грибами были моим любимым занятием. Однажды со мной пожелала пойти и моя сестра Валя, которой было тогда двенадцать лет. Я повел ее к тому месту, откуда всегда приносил много грибов. Путь нам предстоял по едва заметной лесной дороге, которая вела к давно сгоревшему лесу. Это место в поселке называли Гарь, оно походило на бесконечное поле, на котором, как высокие пни, торчали недогоревшие деревья. Между этих острых головешек росла высокая трава. Когда человек приближался к этому зловещему месту, казалось, что впереди начинается какая-то необитаемая планета. Стоило отойти подальше, как можно было навсегда затеряться в этой траве, среди черных пней, и никто не смог бы спасти. Не знаю, на сколько продолжалась полоса Гари, известны были только две ее границы: с одной стороны Гарь тянулась вдоль железной

дороги, с другой – вдоль огромного мохового болота, куда все поселковые ходили за клюквой. Лишь в одном месте через Гарь проходила тропа, по которой до болота было семь километров. Вот такой ширины была эта выгоревшая полоса, а длины ее я не знаю – возможно, километров двадцать, а то и больше.

У меня и у сестры были уже наполовину наполнены корзинки, когда мы подошли к полосе осинового леса. Обычно, когда я ходил за грибами один, я не углублялся в этот осинник, боясь потерять дорогу. Но сестра смело вошла в осиную полосу и, встречая на свое пути все больше и больше грибов, поспешно шла в сторону Гари. Я привык во всем подчиняться своим старшим сестрам, поэтому ничего не сказал Вале о том, что здесь легко заблудиться. Не сказал я об этом зря. Лес поредел, и среди молодых осинок стали попадаться обгоревшие пни с остроконечными верхушками. Незаметно наступили сумерки. Когда мы поняли, что с нами случилась беда, стали метаться по Гари то в одну, то в другую сторону, все дальше удаляясь вглубь смертельной ловушки. Иногда казалось, что мы идем в правильном направлении, но вскоре мы убеждались, что снова ошиблись. Уже почти стемнело, когда мы окончательно выбились из сил и остановились. В это время очень далеко от нас послышался человеческий крик. Кто кричал, понять было невозможно, но мы стали отвечать на этот крик вдвоем. Спасительный голос быстро приближался, и вскоре среди Гари мы встретили свою сестру Женю. Непонятно, как она догадалась, где нас искать, как выбрала правильное направление, но как бы там ни было, она спасла нас от верной гибели. А мы только тогда заметили, сколько на нас сидит комаров, досыта напившихся нашей крови. До этого нам было не до них. Удивляюсь, как мы не бросили свои корзинки с грибами. Прошло почти семьдесят лет после этого случая, но мне иногда слышится отдаленный голос. Голос, который спас нас от гибели.

Приближался 1943 год. Картошку со своего огорода мы давно съели, сомнений не было, что голод для нас неизбежен. Но

судьба распорядилась не так, как мы думали. Однажды в сильный мороз на станцию прибыл паровоз, к которому было подцеплено шесть или семь платформ с картошкой. На каждую платформу для разгрузки поставили человек по десять военных, и они в течение нескольких часов непрерывной работы выгрузили всю картошку прямо на мерзлую землю. Среди выгруженной картошки мелочи не было, где-то ее хорошо отсортировали, прежде чем погрузить на платформы. Вскоре подъехал паровоз и военных увезли в ту же сторону, с которой они прибыли. Для охраны картошки не оставили часовых, чего раньше никогда не было. Время шло, а картошка, забытая или брошенная хозяевами, лежала в снегу, скрытая совершенно. Все жители поселка каждый день, взяв в руки сумку, шли к линии и набирали ее столько, сколько требовалось для еды на одни сутки. Когда приносили эту картошку домой, то опускали в холодную воду и держали в ней до тех пор, пока она оттает, ну а потом очень просто: вари и ешь. Вкус был отличный. Когда начало сгонять снег, на станцию приехал небольшой отряд военных. Они собрали оставшуюся после зимы картошку в мешки – всего мешков двадцать. Отдельные картошины, оставшиеся на земле, превратились в небольшие шарики крахмала, которые потом подбирали люди, чтобы добавлять в щавельные лепешки. Были в войну такие сюрпризы, как на станции с картошкой...

В 1943 году наша семья переехала со станции Брылево в Торопец. Жизнь наша мало чем изменилась, но тут давали небольшие пайки. Рабочий мог получить по карточке 500 граммов хлеба, а на не работающих и в том числе на детей давали 300 граммов. А еще в карточке на месяц значилось немного мяса, которое всегда заменяли килькой, но в большем размере. Мы все были очень рады, когда получали кильку, только раз в месяц можно было наесться ею досыта, потому что она соленая и ее много не съешь.

Кончилась война. Торопчане об этом узнали утром по непрерывной стрельбе в воздух в ближайшей воинской части. На площади был митинг. Много говорили о трудностях, которые

перенес советский народ. Равнодушных людей, не чувствующих счастья Победы, не было. Встретившись в городе, люди приветствовали друг друга поцелуями. Праздник Победы был важнее всех праздников в мире.

Уже после войны я и моя сестра Валя окончили в Торопце семилетнюю школу. Женя осталась с четырьмя классами Брылевской начальной школы, которые закончила до войны. Тогда немногие могли поехать учиться дальше, поэтому в графе профессия у Жени значилось: МОП – младший обслуживающий персонал, «техничка». Валя выучилась в Торопце на медсестру, а я поехал в Ригу, столицу ЛССР, и поступил там в училище радиосвязи. Проучившись два года, был направлен на работу за Полярный круг, в Эвенкийский национальный округ, где в трудных условиях проработал три с половиной года и вернулся опять в Торопец. Работал на разных специальностях: радистом, шофером, плотником, кладовщиком, мастером, перед пенсией стал работать завхозом, а потом и зам. директора по административно-хозяйственной части Торопецкого ПТУ-1, откуда и ушел на заслуженный отдых.

Сковорода Екатерина Ефремовна

Я родилась в Песынке, Пестряковский сельсовет. Хутор такой, там четыре дома было. Я в двадцатом родилась, а помню с тридцать второго года, когда нас раскулачивать взялись. В семье нас было четверо: я с братом, мать, отец. Он был уже пожилой, на второй женивши...

Мы богато не жили, но так, справно жили: четыре коровы было, пара лошадей. Но все в хозяйстве сами делали, работников не держали. За что, чего раскулачивали? За что эта репрессия? Батьку забрали, он вскоре умер в Торопце в тюрьме.

Нас с дому вон, отвезли в старую деревню – такая была... Это в Пестрякове, только километров пятнадцать за лес, там таких людей, как мы, раскулаченных, по четыре семьи в один дом селили. Раньше ничего не купишь нигде, с закрома жили. А с закрома не дали нам ничего. Так, на сани побросали кой-что, повезли туда.

Жили-жили мы там, я ходила собираться, весной в поле гонялась, в деревне Пустыни. Сейчас ее нет, ликвидировалась... Вот до шестнадцати годов кой-как... Когда мне еще пятнадцать было, учили, что мне жить не при чем, взяли меня на курсы трактористов.

В 36-м году это было. Здесь, в Волоке, МТС был. Не надеялись, что я сдам, ну я и не сдала – что мне там, пятнадцать годов...

Я и не училась почти: в школу, еще в Пестрякове походила год с половиной, а потом все помогала матери. И вот с пол лета меня начали трактористы приучать к рулю. Так я без сдачи работала, а в 37-ом мне дали права на трактор.

Жили трудно. Повзрослели, а одеть нечего было. Вот здесь дом стоял, в войну сгорел. Здесь хорошая женщина жила: я ей помогу, а она даст мне свое платье одеть.

На танцы я редко ходила. Здесь парк хороший был, сейчас он зарос, а тогда в нем танцы устраивали. А даже вот Бог и наказал нас всех...

Церква стояла в Волоке, а я танцевать училась в церкви. Помню, первый раз в церкви танцевала... Парень пригласил, а я стыдилась, что плохо одевши. Так, это в каком году? Уже в 38-ом году это я училась танцевать: восемнадцать лет, а я еще танцевать не умела. Это я запомнила.

А церкву потом разобрали. Дом был построен на этом фундаменте. Вот Голубев и учительница Мария Федоровна, жена его, построили дом. А потом хозяйева умерли, какой-то покупатель нашелся, ленинградский или какой, купил этот дом. И как тоже у них этот дом загорелся? Они стопили печку, и пошли с собачкой гулять, городские, видишь. А там, может, где уголь выпал. Приходят, а дом уже все... только успели какие документы горелые выхватить, и все.

...Верю ли в Бога? Не-а, руками не болтала, а в бога на душе верила. «Господи, прости», – всегда говорю, когда, бывает, заругаюсь. А с народом я не завязывалась ругаться никогда. Бывало, хоть обвиняют меня, я не ввязываюсь.

И вот уже девятнадцатый или двадцатый год мне шел, когда приехал мой первый муж в поселок. У него дядя в Плоскоши жил, дядя и посоветовал ему остаться поработать. Так он и остался, работать в леспромхозе шофером.

И чем я ему так понравилась, не было ничего у меня, ни простыни, ни одеяла... Я ему все рассказала, все равно привел меня в квартиру, так и жили мы с ним до войны. В сороковом году поженились, в сорок первом в марте у нас сын родился.

Войну объявили, мужа на фронт взяли. Потом помню: стрельба, никто ничего не понимает, все собрались в кучу и на кладбище побежали. Там такой овраг, мы в него забрались все, сидим.

А у меня ребенок маленький, пищит, а пищать не давали – вот это век не забуду! Это мы к вечеру прятались, а утром вылезли оттуда, куда идти – не знаем.

Пошли кто куда мог. Я мальчика на руки, на кресты на эти прибежала, а там уже немцы стояли, патрули. Я по-немецки не понимаю, а он рукой мотает туда, к Мяшлеву. Стрельба, треск...

Я и пошла к Мяшлеву. Шла-шла, там дорожина такая была раньше, а сейчас все заросши. Пришла в это Мяшлево. Около ручья баба Ленка такая жила, к ней я и попала. Жила там, пока перестрелки в Волоке были. Вот к этой хозяйке ходил один немец, молоко покупал. Пожилой, раненый. Чуть ли не плакал, когда рассказывал, что у него пять штук ребят дома... Хороший немец. А так немцев мы сильно боялись. Карательный отряд, бывало, задерживал, могли расстрелять, никакой милости не было. Я боялась и старалась никуда не ходить. Мать моя тоже никуда не ходила. Соль кончилась, жили без соли сколько-то...

Когда освободили Волок, я ребенка на руки и той же дорогой, какой туда шла, пошла назад. На поле недалеко догоняю кучу немцев. Ох, мне и повернуть: думаю, еще застрелят. А они мины на дороге ищут. И хорошо, что в этой куче оказался немец, который ходил за молоком. Немцы на меня: «Партизан! Партизан!» Он поднял голову, говорит по-ихнему, потом они все залепотали... А я и пошла вперед их, не подумала, что там могут быть мины. Они там что-то говорят, что, мол, нельзя, а я уже бегу, еле живая...

Пришла, дом брошен, в окне в верхнем стекле трещины, как вырезанные, и две точки от пуль. Все раскидано, чемодан был такой сложен с мужиковой одеждой, хотели, видно, нести, но тяжелый оказался. Значит, кто-нибудь уже наши бродили. Были разный тоже народ... А у меня много не было, но кой-что уже и было, муж перед войной покупал. Одеяло хорошее было, простыни, подушки, кружево мать хорошо вязала, на свадьбу дала. Жить ведь уже начинали, а тут война...

После оккупации заболела тифом. Помню, наши солдаты возили меня в больницу, в Плоскошь. Много тоже больных было: мужчины, женщины, все в длинных рубахах. Волокская одна девушка была, она умерла. Я выздоровела. Приехала домой, за лавки державшись ходила. Даже с дубинкой ходить еле могла. Мать была со мной. Был у нас запас картошки. Пошли наши, армия, люди ведь есть хочут... Потратили мы что у нас было, думали, потом магазины пойдут, обеспечение будет, а ничего

не было долго. Спасибо, которые покрепче жили, вытянули нас, пока я пошла на работу.

Наши трактора эмтээсовские эвакуировали, а меня из-за ребенка не взяли отгонять трактор. Их разбомбили, будто в Вышнем Волочке? Директор вместе с этими тракторами погиб, и бригадир... А еще была у нас здесь поляна, на ней тракторов десять стояло, локнянских, что ли? их немец захватил. Но трактора эти были недействительные, нерабочие, их специально ломали, чтобы немцу не достались.

МТС открылся, запчасти начали кой-какие поступать, стали эти трактора ремонтировать.

Стали набор трактористов делать. Я немножко отудобела, пошла в МТС. Или призвали по повестке? Забыла. Трактористов-то не было. Трактористок много ли было? Много. Вот одна тут рядом все жила, Шура, но она лет пять уже как умерши. Одна я задержалась на этом свете...

Ну вот, а тогда меня, больную такую, не взяли на трактор сразу. Там клапана притирали коловоротом таким, а я стекло толкла, притиратель. Не было ж ничего. Что механик придумает, разные реставрации делали тракторам: то коленчатый вал не работает, то поршневая плохая...

Вот и собирали все эти трактора, на них и работали. Мне дали что попроще, клапана эти притирать. Как они работают, сейчас уже точно рассказать не могу: цилиндры ходят, клапана прижимают, искру дает... Забыла, сколько годов уже не работаю. А всю войну работала.

В колхозе моя территория была: Волок, Малиновка, Юшино, Медведево, Верховье – большую часть я по этим полям работала. Ребенок маленький был, далеко не посылали. Делала все чисто с любимым инвентарем: с осени сев пахала, весной плужинили, сеяли овсы.

Потом рожь поспела, а комбайнов не было, были такие жатки небольшие, но я жаткой не управляла. Мое дело трактор вести, чтобы не запутляться. Поля красивые такие, желтые. Я стенку чтобы не спортить, вела трактор ровно. Жаткой мужчина

управлял, он умерши теперь. Жатка эта простая какая-то была: так крутится, как грабли – сноп наберут и в сторону, а сзади женщины вязали. О мне нравилось это! Как «золоты снопы вязала» – песня такая последствие слышна мне была...

По сколько часов работали? А работали, не считалися. Если дождь, то по дождю жать не будешь, а как обветрило, так жали и не считалися. И днем, и ночью. А платили будто три килограмма ржи на трудодень и сколько-то денег. Не два пятьдесят? Или три рубля? В общем и деньгами, и хлебом хорошо платили.

Простой были, ремонты – не именно все работала и работала. Раньше что деревня – то колхоз. Бывало, в колхоз переедешь, а в колхозе ничего нет. Скот эвакуирован, так кой-что.

Помню, картошки соберут, наварят в шелухе, облупят, потюкают, молоком зальют, посолят ай нет, не помню. Посолят небось. Во, покормят – и пошел опять на работу. А трактор заводили артелью. Бывало, его и глушить боишься, так плохо заводился. Но мы как-то не тужили, что нам плохо, только б заработать.

Здесь за болотом была деляна такая. И надо было колхозу подравнять эту площадь, чтобы пни пахать не мешали. И вот меня поставили эти пни вытягать. Тягала, ясно, не я, мое дело только трактор вести. Народ поставили, подкапывали, крюком зацепали. Сцепление-то – песок – плохое. У елки корни больше сверху идут, а сосна – она торчком растет, вглубь. Ох, у сосны – танцуешь-танцуешь, никак не выдернуть. Ой, караул... Ну вытаскала эти пни, вот тут я много заработала, и красный флажок мне дали на трактор.

Не раз Бог от смерти меня спасал. Хуторок такой, два жильца в нем было – там работала. С Плоскоши дорога шла, по ней и машины хаживали, потом зарастать начала тая площадь. А ночью-то работали без света. В тракторе люк открывался, масло выбивало, я проверяла часто. Вот так два раза объеду, на эту дорогу поставлю, посмотрю, проходит масло ай не. Вот где была беда. А было дело на Богородицу. Председатель колхоза сама

пошла помогать мне. Воду в радиатор надо было часто заливать, вот она мне помогала, воду носила. Народ не пошел, а трактору простой нельзя делать. И вот я уже второй раз ехала, а она присела на ту сторону дороги, я ее и не видела. И я колесом как ее толкнула, она вскрикнула. А я думала, вода кипит. «Чего, вода кипит уже?» – спрашиваю. «Ты, – говорит, – меня чуть не растоптала. Я, – говорит, – приснула...» Во как бывает. Бог пожалел меня тогда, ведь могла и в тюрьму сесть. Она партийная была, баба строгая... Там кустарничек, я ее не увидела, без света, что увидишь. Вижу, что борозда темнеет... Она потом носила руку на подвязке, плечо повредила. А бабы мне: «Чего ты ее не затоптала?» Я говорю: «Меня посадили бы, негодяйки...» Потом вот здесь за сельсоветом надо было мне пахать. Сейчас здесь поселок, а тогда не было. Даже вспоминать не хочу, какой ужас мне пришлось пережить тоже.

Работала опять ночью. Площадь ровная, по памяти едешь. Отрегулируешь плуг, видишь, борозда темнеется. Разворот чувствуешь, знаешь уже какой разворот делать. Я порядочно уже сработала, уже светом ехала последний круг. И вот как уснула за рулем. А там курган крутой. Может, и не уснула, может, вот только веки так сжались, и я уже у края кургана. Руки ноги задрожали, вот я кой-как назад, как-то успела... Бог пожалел ребенка моего, мать. Трактор я тогда заглушила, успокоилась.

Либо и час, и два стоял трактор. Приехали механики: «В чем дело? Чего трактор не гудит?» Вот рассказываю. Они ужаснулись. Ужас был на душе. Главное, светом уже, ночь проработала, может быть, только так закрылись глаза, а еще не был трактор с борозды вышедши...

...Я с шестнадцати годов пошла на этот трактор из-за необходимости, исть было нечего. Нас тогда репрессия эта замучила. Мать еще нестарая была, она мне сына хорошо нянчила. Я ей, конечно, продукты предоставляла. Бывало, торговать керосином нельзя было, по поллитру или литр нечего... «Бабы, выходите ко мне с лампам!» Керосину не было в продаже, и я выручала. А мне, бывало, молочка когда дадут.

Но не именно часто ходили... Раз на корчевке я много сэкономила горючего. А одного мужика судили: бочку куда-то спровадил керосину, разве можно такое делать, а? Его судили, и сидел сколько-то.

В сорок пятом до осени я еще работала, а в конце августа бросила трактор. В сентябре мне предложили работать заготовителем. По сорок тонн, когда меньше, когда больше, заготавливала картошку. Накладные выписывала. Машины грузили, возили в Ленинград, в разные города. Мясо заготавливала. Был мне складик небольшой дан, чтобы обеспечить столовую. Столовая здесь была, я туда продукты возила с Плоскоши. И в лесу работала два года.

Я тут уже бороной говорю, не помню точно года. В каком вот году я приняла ларек? Он стоял тут на горе. С магазина я и на пенсию шла. А начинала работать 27 – рублей зарплата была. Наверное, потом прибавлялось, только я годик за 27 рублей работала. А все равно не бросала.

В Торопец за товаром ездила часто. Приедешь, в магазине холодно, только сопли подергивай. Подсобного никакого не было, а товар надо привозить, мерить. Керосином пришлось торговать, бочкам продавала. Долго торгавала керосином, потом, слава богу, свет провели.

... А я ведь три фамилии переживу. Отцовская была Скобелева, замуж вышла – Таятина, теперь – Скворода. Это по второму мужу, на первого еще в сорок третьем похоронка пришла. Снова замуж я пошла уже в 47-ом году. Помню, записывали в сельсовете, а секретарю смешно, Голубев такой был. Смешно, что фамилия комичная – Скворода. Прожили мы с этим мужем сорок годов.

В 48-ом 14 октября сын второй у меня родился. 61 год и прожил только. Ну как не волноваться от такого ужаса? Жалею его очень... Со мной плохого не было ни разу, не было такого случая, чтобы я обомлела. А слезы всегда набегают, и что такое...

В 50-м году, в ноябре, родилась дочка. Она выучилась, много лет в Ленинграде в школе отработала, сейчас на пенсии.

Старший сын, ему скоро 70, жил во Владивостоке, на море работал, потом переехал под Москву. Два внука у меня. А правнуков: у старшего три штуки, у младшего внука девочка и мальчик. Старшему мальцу уже 17 годов, а есть младший Максимка, тому 2 года. Два внука, а правнуков сколько я насчитала? Пять? Два внука и пять правнуков, во сколько!

Смейся, баб, и плачь, баб... Сейчас, конечно, жить легче. Сейчас мне уже пенсию платят большую, десять тысяч. Все учтено, что в войну работала, все... А вам-то чего не жить, вам хорошо жить. С работой, видишь, плохо молодежи... А это ж не надо вказывать? В наши годы тоже и ремонты бывали, протой, трактора другого МТСа, а наши эвакуировались, их разбомбили...

Полей, конечно, раньше больше было. Вот где я пни тягала, идешь, бывало – трактора работают колесники, «Беларусь». Хорошо вокруг, ровно, все разработано. А теперь идешь – кустарник заросши. Такой труд вложен, и кустарником опять заросло все! Надо народ в деревню, рабочий надо народ. В общем, делайте так, чтобы было поаккуратней...

Тимофеева Мария Николаевна

Замужняя моя фамилия Тимофеева, а была я Медведева, Мария Николаевна. Семья наша жила в деревне Подолино Пожинского сельского совета. В 1941-ом мне было семь лет. Моя сестра родилась 22 июня 1941 года. Она утром родилась, а уже к вечеру отца забрали на войну. Простился он с нами, меня обнял, а маме сказал: «Дочку Розой назови». Отец до войны в сельпо работал, и там была кладовщица Роза, сильно ему нравилось это имя... И вот он ушел, а мы остались с мамой да со старенькой бабушкой. Мама ходила копала окопы, а мы с бабушкой росли.

Наша семья поддерживала партизан. В деревне нас четыре семьи таких было. У мамы в отряде был родной брат – Семенов Николай Семенович, и деверь – Медведев Александр Павлович. Мама и стирала для них, и хлебы пекла. Конечно, она им чистый хлеб пекла, а нам пекла с мякиной. И как вечер, партизаны приходили к нам, мама им баню топила, белье выжаривала от вшей. Потом завешивала окна и садились все за стол, мама всех кормила. Она и в разведку ходила. А у нас в деревне жил полицей, фамилию его не помню. И вот он следил, куда мама пойдет. Когда мама не могла пойти сама, то шла я. Она с холста бинтов нарежет, наложит мне в сумочку, и я несу их партизанам. Пароль был – «утка»: мне дана была такая приманка, я должна была крикнуть. И вот я шла на Змеиный ручей, там такой мостик, я сидела на этом мостике, когда из леса выезжал нарочный, у него жеребец был рыжий, как снегом посыпанный, по кличке Зайчик. Я этому нарочному все передавала и бежала домой, меня уже встречала мама.

А потом на нас кто-то донес, кто-то из Шейно. Там, в Шейно, было шесть семей, кто помогал партизанам, еще нас четыре семьи – на всех донесли. Написали, что мы помогаем партизанам. И вот что нам сообщили, что идет карательный отряд. Они шли сначала по большаку и заезжали в Шейно. Там казнили людей, женщинам отрезали груди, детям запускали

иголки под ногти. Потом загоняли в сарай, обливали бензином и поджигали. Нас об этом зверстве партизаны предупредили, и маме сказали: «Наташа, ты должна эвакуироваться в Андреаполь». Мама говорит: «Я никуда не поеду, умирать буду дома». И вот на дворе ночь, сестричка маленькая спит, а бабушка обняла нас с мамой, мы сидим, ждем, когда приедут нас казнить. Вдруг слышу, как ворота скрипнули. Бабушка заголосила: «Все, давайте прощаться, мы умираем...» Я к окошку подбежала, смотрю, а там Зайчик. Я говорю: «На Зайчике кто-то приехал». И тут заскакивает партизанский нарочный и говорит: «Мы свободны, в Торопце наши войска!»

Когда еще немцы стояли, мы чуть не лишились коровы. Они скот у всех отбирали, и нам сказали, куда надо отвести коровку. Мама и повела. Мы остались дома с бабушкой. Вот заходят к нам четыре немца. Мы знали, что они будут забирать шерстяные вещи, и что смогли – припрятали. Наложили в люльку всякие там чулочки, носочки, сверху положили девочку нашу маленькую. Вот трое немцев на печку полезли, шубы, валенки оттуда стаскивают, а один – он по-русски говорил – спрашивает бабушку: «А отец пук-пук?» Мол, воюет? Бабушка: «Да, – говорит, – воюет...» «А matka где?» Бабушка говорит: «Повела коровку, вы ж приказали отдать». Он показывает: а как же дети без молока? Бабушка в ответ: а что же делать? И вот этот немец вытаскивает фотографию с кармана, там трое ребятки и жена. И он говорит на бабушку: «Вы не виноватые, вы не виноватые...» Мол, и у вас маленькие детки, и у меня. Потом что-то по-своему сказал остальным немцам, они ушли. А бабушке говорит, чтобы шла за своей коровой. Она ему: «Как я пойду? Ваши же не отдадут». Он говорит: «Я с вами пойду». И бабушка пошла, а я осталась дома с Розой. Долго бабушки не было. Сестричка моя кушать захотела, расплакалась. И вдруг бабушка ведет домой коровку! И вот у нас была коровка – одна на всю деревню. Мама, бывало, подоит: один удой оставляет себе, а два удоя раздает по деревне ребяткам.

Когда пришли наши, в нашей избе стояла редакция, а потом

медсанчасть. Врач там, Виктор Петрович звали кажется, он бывало: «Розочка, зайди сюда». Она пойдет, ей там хлебушка дадут, сахарку дадут, когда банку консервов принесет. Я ее не раз посылала: «Роза, сходи попроси хлебушка». Бабушка меня ругала: «Что ты ребенка учишь...» А я сама еще ребенок была, есть-то хочется, надоела эта трава. А трава какая: лебеда, крапива, головины. Головины – это такие головки ото льна остаются. Бывало, напекут хлеб, а он шумит во рту, даже его не проглотить. Хорошие лепешки – это с гнилой картошки с лебедой. Только горьковатые. А потом на поле была такая трава – кукушкины слезки. Бывало, я дралась с ребятами за эти кукушкины слезки. Они васильковым цветут, а на вкус мучнистые такие. Поели всего...

В 1945 году с войны вернулся папа. Я сразу ему на шею кинулась, а Роза его вначале назвала «дядя». Мама ей: «Доченька, это твой папа...» А она все «дядя», она ж его ни разу не видела. Отец долго не прожил, в 1957 году умер. Мама очень много с нами пережила. Ей дали документ, что она участник войны, наградили медалью, потом орденом. А когда стали менять документы, что-то там потерялось. И вот я пошла в военкомат, мне и говорят: «Она не занесена в книгу красных партизан». Я говорю: «Ну как же так, ведь ее и медалью, и орденом награждали...» Но никто ничего не знает. Даже в музее в Торопце раньше была ее фотография, а теперь нет. И льгот ей никаких не было.

Трофимов Владимир Федорович

Мой отец, Тимофеев Федор Тимофеевич, 1905 года рождения – уроженец деревни Зайково Конищевского сельсовета – встретил коллективизацию в расцвете сил и экономического благополучия семьи. Придя с собрания, моей маме Матрене Романовне сказал:

– Все, единоличным хозяйствам пришел конец; пока не поздно, надо вступать в колхоз. Когда начнут применять силу, будет хуже.

Мама заплакала и говорит:

– Ты посмотри: добрая половина хутора идет в колхоз с радостью – это им выгодно. Им в колхоз объединять нечего, и распадется колхоз – они ничего не теряют. А ты разоришь все, что таким трудом наживалось...

Сдал отец в общий колхозный пай 25 га земли, 7 коров, лошадь рабочую, и вторую лошадь выездную. И первым в колхозе получил наказание. Лошадей закрепляли за всеми членами колхоза, в обязанности входило следить, чтобы животное было накормлено, чтобы его в работе не перегружали, не испортили. За моим отцом была закреплена его же выездная лошадь. Она была вороной масти, удивительно красивая в бегах. Еще когда мы жили единоличным хозяйством, из соседних деревень и хуторов приходили крестьяне полюбоваться этой лошадей. Она была, конечно, гордостью хозяина, многие отцу завидовали и мечтали на этой лошади прокатиться.

В религиозный праздник «Катерина» отец с мамой ушли в гости в соседнюю деревню, а в это время завистники запрягли лошадь и долго на ней катались. Вдоволь накатавшись, они мокрую, в мыле, лошадь оставили на ветру, она перестала вставать и на какое-то время была не пригодна к работе. За недосмотр моего отца приговорили к шести месяцам исправительных работ. Шесть месяцев он работал на заготовке леса. Затем отец был избран лесником и за ним был закреплен обход лесного участка.

Мой отец умел и любил работать. Он был хорошим пчеловодом (когда уходил на фронт, у нас было 22 улья пчел) и хорошим мастером по изготовлению телег и колес, которые мама за трудодни отдавала бригадиру. Отец всегда старался делать людям добро. Мама рассказывала, как они с отцом шли на сенокос и, проходя мимо закрепленного за ним лесного участка, слышали, как кто-то незаконно валял деревья. Увидев отца, этот человек побежал в лес. Отец узнал беглеца и крикнул ему: «Вернись; ты меня не видел, и я тебя не видел. До нас лес шумел и после нас будет шуметь».

Отец был призван с началом финской войны, которую он прошел рядовым красноармейцем. Вернулся живым и здоровым, но дома довелось побыть недолго. Началась Великая Отечественная, и отца снова призвали в действующую армию. С фронта от него пришло всего два письма. Маме он писал: «Береги сыновей». Нас было четверо. Старшего, Александра, должны были вот-вот забрать в армию. Отец писал, чтобы он берег себя и служил достойно.

... Приход почтальона в годы войны люди ждали как-то по-особому. Соседи даже прислушивались, что происходит в доме, из которого уходил почтальон. Если слышали плач, понимали: в дом пришла беда, – шли поддержать соседа. В августе 1943 года беда пришла и в наш дом. Похоронка на отца. Но мама настраивала себя и нас, что это ошибка. И ждала, ждала отца всю жизнь. Помню, мама с полевых работ приносила желтенькие цветы, она их называла бессмертники, подвешивала их к потолку, а нам говорила:

– Если цветы не осыплются, значит отец жив...

Цветы не осыпались, но мой отец, Федор Тимофеевич, так и не вернулся с войны.

После войны к нам приходил мужчина из деревни Анненское, он говорил, что в 1942 году был с нашим отцом в плену на территории Белоруссии. Пленных содержали в карьере под открытым небом. Колючая проволока в два ряда и высоковольтные провода между ними. Кормили один раз в день

супом из брюквы и опилок. Но каждый день возле колючей проволоки стояли старики и дети, приносили узелки с продуктами и ждали момента, чтобы передать их за проволоку. Раздавались пулеметные очереди – когда ради предупреждения, когда ради забавы... К осени пленных решили куда-то везти. Крытых вагонов не было. Пленных положили на открытых платформах лицом вниз. На первой и последней платформах были установлены пулеметы и прожекторы. Мой отец оказался на одной платформе с земляками из Плоскошского района, всего их собралось шесть человек. Отец предложил: как начнет темнеть и поезд будет делать поворот, по команде – прыгать. Все согласились.

– И вот стало темнеть, – рассказывал наш гость из Анненского, – и поезд делает на изгибе пути поворот. Федор сказал: «С Богом! Прыгаем!» И мы спрыгнули. Застрочили пулеметы, поезд стал сбавлять ход, но не остановился. Когда он скрылся из виду, мы попытались собраться. Четверо были на месте, пятый храпел и весь был залит кровью, видно было: он не жилец. Федора с нами не было.

... Возможно, после этого побега отец попал на фронт. И похоронка, пришедшая на него в августе 1943 года, тому подтверждение.

Как бы ни было маме горько и трудно, надо было жить, работать, поднимать детей. Мне уже немало лет, и я постоянно задаю себе вопрос: когда наша мама, да и все в деревне, отдыхали? И сам себе отвечаю: никогда. У них один вид работы сменялся другим. Вот сейчас все поля в районе зарастают кустарником, а в годы войны женщины, старики и подростки на лошадях да на быках каждый клочок земли вспашут, засеют вручную, уберут серпами... Работа длилась от зари до зари. А придут домой, и там дел полно, ведь жили за счет своего хозяйства. Вечер всегда был занят: шерсть надо спрясть, навязать на год носков, рукавиц. Заканчивали вязать, начинали прясть лен. Его надо было напрясть много, ведь каждая хозяйка ткала половики и льняное полотно на краснах. Помню, мама

ткала по 50 метров льняного полотна. В марте его отбеливали: расстилали по весеннему снегу. А старики и подростки в зимние вечера делали сани, плели корзины, решета, лапти. Резиновые и кирзовые сапоги в нашей деревне стали появляться только в конце 1944 года.

Летом и осенью в колхозе было очень много работы, да и на свою скотину заготовить сено тоже надо. А еще надо ягод наносить на год. Ведь люди лекарствами не пользовались. Черника, брусника, малина, клюква заготавливались ведрами, бочками.

Люди столько работали, что сейчас в это и поверить сложно. Но они знали, что нашим солдатам в окопах, под градом пуль еще труднее. И все в деревне работали от души: надо – и все... Не зная отдыха вместе со всеми работала и моя мама Матрена Романовна. Наш колхоз «Победа» – это одна деревня Зайково. Когда на колхозном собрании для крестьян была выделена одна медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», спросили: кому вынесем решение ее вручить? Все в один голос сказали: Романовне.

Судьба старшего моего брата Федорова Александра Федоровича, 1925 года рождения, призванного на фронт из деревни Зайково Конищевского сельсовета, сложилась так. В 1941 году многих парней 1925 года рождения собрали в Плоскошском райвоенкомате и направили на учебу в ФЗО. Не помню уже по какой причине, но мой брат, и еще Смирнов Александр из деревни Рогаткино сбежали из ФЗО домой и их сразу же забрали в армию. Брат прошел подготовку в городе Алабино и был направлен на передовую в пехотный полк. Впоследствии он с гордостью рассказывал, как на вооружение в их часть поступили «Катюши», которых немцы очень боялись.

В последнем для Александра бою его искалечило всего. Целой осталась только правая рука. Три осколка в голове, один под левым глазом, левая рука и ноги перебиты. Месяцы в госпитале без движения. Домой привезли в конце 1944 года сопровождающие. Привезли на носилках, не ходил, не говорил,

плохо слышал. Мама заплакала, Александр правой рукой показал: «Не плачьте!» Сопровождающий сказал: «Он молодой – восстановится. Ему нельзя волноваться.»

К 1947 году брат стал с костылем ходить, речь вернулась. Затем по линии райвоенкомата таких, как он, инвалидов, отправляли на учебу. Александр был направлен в Тихвин учиться на электромеханика. Выучился, работал электромехаником в леспромхозе. Был уже женат, рос сын Михаил. Зарабатывал брат в леспромхозе хорошо и практически содержал две семьи: свою и нас. Но его постоянно мучили боли: в голове остался осколок, который хирурги не решились удалять. Болели и ноги. Особенно при смене погоде брат стонал от болей. Умер Александр в 1971 году в возрасте 46 лет. Не успел порадоваться внукам, которых у него пятеро: три внука и две внучки. Все выросли, получили хорошее образование.

Александр Федорович Федоров награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», орденом Славы третьей степени. А вот за последний бой награду не получил. Отправляя его в госпиталь, командир роты сказал: «Саша, я тебя предоставил к ордену». Может, наградной лист где-то затерялся. День победы наша семья отмечала всегда. Мама готовила чего-либо повкуснее, приглашала к столу и говорила: «Порадуемся за нашу Победу. Давайте вспомним отца и помянем его добрым словом» И весь день у мамы не высохали глаза. Два последних года своей жизни она ничего не видела, полностью потеряв зрение. Умерла мама на 82 году жизни.

Сам я прожил в деревне Пожня 42 года. Работал в школе учителем, затем 16 лет работал председателем исполкома Пожинского сельского совета. Все эти годы я жил, работал, общался с людьми, жизнь которых проходила в годы Великой Отечественной войны. Каждый день мне приходилось обращаться к ним, и с какой бы я просьбой не обращался, за все годы моей работы не было ни одного отказа. Эти люди, перенесшие ужасы войны, остались добрыми, честными, готовыми на помощь и сострадание.

За время моей работы в Пожинской школе в коллективе было много учителей, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны. Это директор школы Сергей Дмитриевич Андреев, учительница начальных классов Мария Георгиевна Лебедева, математик Василий Александрович Здоровенков, учитель географии Василий Андреевич Скворцов, завхоз Константин Никитич Никитин. Никого из них уже нет на этом свете. Талантливые, честные, мужественные люди – все они были ярким примером для нас. Я глубоко уважал и любил их всех. А с Константином Никитичем Никитиным у нас сложилась настоящая дружба. По складу характера он был спокойным и удивительно добрый человек, к тому же мастер на все руки. Мой сын Саша на большой перемене и после уроков любил зайти к нему в мастерскую, постучать молотком, поработать ножовкой и рубанком. Утром Константин Никитич раньше всех приходил в школу, осматривал все классы, проверял, тепло ли, не угарно ли. Пока шли уроки, занимался ремонтом школьной мебели. После занятий опять все обходил, осматривал хозяйским глазом. А домой шел, когда уже в школе никого не было, а на улице сгущались сумерки. Ходил пешком за пять километров ежедневно, утром и вечером. Бесконечно добрый, порядочный и бесконечно скромный человек. Никто и не знал, что Константин Никитич награжден многими медалями, Орденом Отечественной войны, двумя орденами Славы. Разговоры наши были в основном на хозяйственные, бытовые темы. Вспоминать о войне он не любил. И только однажды показал свой орден и рассказал о себе. На фронт он попал с первых дней войны, и сразу же стал связистом. А это значит, что кроме боевой выкладки, на спине – катушка провода весом 60 кг. С таким вот грузом ползком под огнем налаживал связь. Участвовал в освобождении Ржева, Великих Лук, дошел со своей катушкой до Германии. А там – не забыть никогда! – бой на Шпрее. На правом берегу этой немецкой реки – наши, а левый еще занят фашистами. Получен приказ: наладить через Шпрее связь. Связисты залегли на правом берегу. Нужно было конец провода

зажать зубами, по команде быстро подняться, броситься в воду и плыть под градом пуль. Поднялся первый наш связист и сразу же упал замертво. Убит второй. На дно реки пошел третий. Четвертый... Пятый... Шестой... Седьмым был Никитин. «Когда настала моя очередь, – рассказывал он, – я прочитал про себя «Отче наш» и приготовился к смерти. Зажал зубами конец провода и бросился в воду. Первые метры плыл, как в бреду, от страха не понимая, жив я или уже помер. Поверху наши пули летят, а вокруг меня немецкие в воду шлепают. Вода холодная, все тело колет. Плыву и думаю: вот сейчас, сейчас пойду на дно...» Но судьба распорядилась иначе. Доплыл, наладил связь! Повезло! «Ох, уж эта Шпрее... Сколько моих однополчан там полегло... Хотелось бы – не забудишь!» – со слезами вспоминал Константин Никитич. Вот такие люди жили и работали рядом.

Всего в годы войны ушли на фронт 1000 жителей Пожинского сельсовета, не вернулись 633 человека. Став председателем исполкома Пожинского сельского совета, в знак памяти и благодарности землякам я достал и решил установить противотанковую 76 мм пушку. Расскажу по порядку. Все началось с того, что в Пожне был построен музей Партизанской Славы. Как только закончилось строительство, к нам зачастили экскурсии и делегации из обкома КПСС, облисполкома, из редакции газеты «Сельская жизнь» и др. В Пожне и на Кургане Славы в Шейно должен быть идеальный порядок. Поддерживать его, особенно у музея, было сложно, потому что утром, в обед и вечером мимо гоняли личный скот. Коровы и овцы забежали на территорию музея, вытаптывали траву, цветы, оставляя грязь. И каждый день в этом направлении ездило районное начальство, делали замечания, говорили: «Решай эту проблему».

Проблема решилась, да не сразу. Пришлось долго убеждать людей разделить стадо: до музея – гнать скот в одну сторону, после музея – в другую. Люди десятилетиями гоняли стадо привычной дорогой, поэтому сразу начались упреки. Сколько было недовольных моим решением! А ведь мне потом идти к ним просить, чтобы сдавали молоко, мясо, шерсть. С большими

трудностями эту проблему решили. Затем разбили у сельсовета и музея цветники, посадили парк из молодых лип. По другую сторону дороги расчистили площадку, сделали подсыпку, разровняли, по краям посадили сосны – это место планировалось для стелы в память погибшим войнам Пожинского сельсовета.

Но несмотря на проводимую с населением работу, коровы нет-нет, да и придут к музею. И тогда я понял: надо что-то установить у музея, чтобы понравилось людям, и они стали бережнее относиться к этому месту. Я был хорошо знаком с начальником областного управления лесного хозяйства Зайцевым Геннадием Михайловичем – ветераном партизанского движения, много раз бывавшем и в сельсовете, и в музее. Он мог мне помочь.

И вот 11 июня 1985 года в Пожне – слет ветеранов партизанского движения. Должны были приехать делегации со всей Калининской области, из Белоруссии и Литвы. Ожидался и приезд генерал-полковника Бельченко С.С. – во время войны он был представителем Центрального штаба по руководству партизанским движением. Перед этим я поговорил с Зайцевым Г.М., была ли у них в отряде пушка. Он сказал: одно время была. Набрался я смелости и говорю ему:

– А если я у Бельченко попрошу помочь мне достать пушку и установить у музея?

– Здорово ты придумал, – сказал Геннадий Михайлович. – Сейчас Сергей Саввич выйдет из музея, я тебя с ним познакомлю, и ты ему расскажешь о своей идее.

Вот генерал выходит из музея, вместе с Геннадием Михайловичем подходят ко мне. Сергей Саввич сказал, что доволен нашим гостеприимством, доволен музеем, а я высказал свою просьбу о пушке. Он сразу ее поддержал, дал мне свой домашний адрес и сказал: «Напишите мне ходатайство, а я переговорю с заместителем министра обороны».

Ответ пришел через 26 дней: «Ждите наряд на получение». Наряд пришел на Ржевскую войсковую часть. Я поехал во

Ржев получать пушку, но опоздал: пока шло ко мне письмо с нарядом, ее разрезали и сдали в металлолом. Пришлось написать генералу Бельченко второе письмо. 9 августа 1985 года пришел второй наряд. Пушку нужно было получить в воинской части в Сергиевом Посаде. Но пока она не привезена, нужно было подготовить постамент. Поехал в Калязин: там, как я знал, возле Суворовского училища установлены две пушки. Сделал необходимые замеры, приехал домой и с ныне покойным директором Пожинского ДК Лось Н.Е. после работы сварили из угольников каркас для фундамента. Поехал в Торопец искать цемент. Пришел к начальнику ПМК Крюкову, он говорит: «Я тебе на эти цели дам готовый бетон, и сам на машине бесплатно привезу». Вечерами стали заливать постамент бетоном.

Все, что надо, сделали, пора ехать за пушкой. Машину дал председатель колхоза «Россия» Сапогов Н.В., и тоже бесплатно. Но в первый день мне поездку сорвали. Позвонили: «Срочно приезжай в райисполком». Говорю: «Я должен ехать за пушкой, машина стоит». «Отпускай машину». Отпустил. Приехал в райисполком, как оказалось, совершенно по пустому поводу... Второй раз дал мне Сапогов машину, и уже глубоким вечером я смог выехать за пушкой. Возвращаюсь домой, вызывает районное начальство. Читаю протянутое мне отпечатанное решение:

1. Объявить Трофимову В.Ф. о несоответствии с занимаемой должностью.

2. Пушку и пьедестал снести за счет Трофимова В.Ф.

Выхожу я от одного большого начальника, вижу, другой немалый в свой кабинет идет. Я его спрашиваю:

– Что это такое, за что?

Он похлопал меня по плечу и говорит:

– Ну, Владимир Федорович, когда хорошие дела решались без выговоров?..

И какой парадокс: годом раньше опыт моей работы обобщал и распространял обком КПСС, а облисполком за первое место в соцсоревновании дал нашему сельскому совету автомобиль «Москвич»...

Потом в коридоре ко мне подошла работница одного из отделов и сказала: «Мы попробуем вам помочь. Идите сейчас к архитектору Бобовкину, он дома, только что приехал из санатория; его еще не будет на работе три дня...» Рассказала где его дом, и, наверное, ему позвонила. Бобовкин меня выслушал, говорит: «Зайди в архитектуру, девчата тебе дадут выкопировку участка для установки пушки. И езжай в Калинин к главному архитектору области Горелик». Приехал в Калинин. Горелик спрашивает меня:

– К чему они придрались?

– Пушку не поставил в одну линию со скульптурой у музея, – говорю.

– Придет же в голову ставить памятники в одну шеренгу... Ну а сам-то ты почему пушку отнес вглубь сквера?

– Да ведь рядом дорога, – говорю, – постоянно движутся машины. А у пушки всегда будут дети. Ради безопасности.

Поговорили мы с ним, и он меня поддержал. Вообще, все хорошее, что я сделал, работая в Пожне, получилось благодаря тому, что много было добрых людей. А генерал-полковнику Сергею Саввичу Бельченко я купил ведро клюквы и выслал посылку. Он ответил мне теплым письмом, в котором писал: «Мы с женой вспомнили молодость, гарнизоны и время, когда сами собирали клюкву». Затем в Ленинградском скульптурно-экспериментальном комбинате я заказал стелу в память погибшим землякам. Выполняли эту работу скульптор Уланов и архитектор Питанин – друг Семена Семеновича Гейченко. Работа уже шла к завершению, я ездил в Ленинград на заседание художественного совета. Одна треть стоимости работ нами была уже оплачена. Но в 1989 году меня сменил новый председатель, который отказался от этого заказа. Говорят, что штраф, который Ленинградский комбинат взыскал с сельсовета, значительно превышал стоимость неоконченных работ...

Трофимова (Кирина) Маргарита Павловна

Моя родина – деревня Никулинское Шолоховского сельсовета Кубано-Озерского (теперь Вологодского) района. Училась я в Новленской школе, закончила Вологодский пединститут. Я учительница, в сельской школе проработала 50 лет. Уходила из школы, когда мне было 72 года. Сейчас мне 77 лет, я – на пенсии.

Моя бабушка, Елизавета Афанасьевна Кирина, жила в деревне Никулинское Шолоховского сельсовета Кубано-Озерского (теперь Вологодского) района. Дед мой умер перед самой войной. И было у моей бабушки три взрослых сына. И все три сына погибли в Великую Отечественную войну.

Старший сын – Иван Иванович Киринов – с женой и тремя маленькими детьми переехали жить в Южный Казахстан, в село Балыкчи, к бабушкиной сестре. Оттуда он уходил на фронт. Туда и пришла на него похоронка в начале войны. Родные прислали бабушке эту печальную весть. Нет таких слов, чтобы передать, как трудно жилось моей доброй тете Анне с тремя маленькими детьми. Старшему ее сыну Саше было 12 лет. Он работал в колхозе. На быках возил зерно, навоз, боронил... Тетя Анна говорила мне: «Так уставал, что сразу засыпал, а во сне всю ночь кричал: «Цоб цобэ (так быков погоняют). И печально добавляла: «Мой Саша и во сне все работал».

Средний сын – Павел Иванович Киринов (мой отец), только что пришел с финской войны. Нас, детей, у него было четверо. Мне, самой старшей, исполнилось семь с половиной лет. Помню солнечное июньское утро 1941 года. Мама в больнице с младшей сестричкой. Папа прощается с нами, плачет и просит бабушку: «Мама, не оставляй их одних». Печальная бабушка говорит ему: «Будет тебе так расстраиваться, Павел! Надо идти». И больше я папу не видела. Было всего одно письмо со станции Стрельна. На все запросы приходил ответ: «Пропал без вести». Но вот летом 1945 года к нам в деревню Тарасово приезжал из Елегонки однополчанин отца – Лютов. Он рассказывал моей матери, что их воинская часть попала в окружение. В лесу (где-то в Эстонии)

был жестокий бой. Солдаты прорывались из окружения группами. Мой папа убит в этом неизвестном мне лесу. Лютов говорил, что похоронить его они не успели и не могли: кругом были враги. Я все думала: подрасту, сама съезжу в Елегонку, все у Лютова расспрошу. Но мало он пожил после войны, умер. Вот и звучат в душе горькие слова песни:

«Я не знаю, где ты похоронен
От родимого дома вдали.
Над тобою березы
ветвей не наклонят,
А горькие травы взошли...
В том победном году, в 45-м,
Мы все ждали тебя на крыльце.
Если вы с ним служили, солдаты,
О моем расскажите отце...»

Младший сын – Василий Иванович Кирин, на фронте был с первых дней войны. Высокий, стройный, красивый, очень добрый, он еще не был женат. В январе 1942 года их воинскую часть привезли в Вологду, разместили в Красных казармах и объявили, что в Вологде пробудут ровно сутки. Вася сказал командиру, что в 60 км от Вологды – его родная деревня Никулинское, там у него мама, живет одна, братья на фронте: он просил отпустить его попрощаться с мамой. «Ведь не успеешь», – сказал командир. Но отпустил.

Наступала морозная январская ночь, когда Вася пешком выходил из Вологды. Он надеялся, что догонит какая-нибудь попутная машина. Но никаких машин в ту ночь не было. В четыре часа утра Вася подошел к родному дому. В деревенской избе бабушки и днем-то было очень холодно (дров не было, топили хворостом), а к утру изба выстывала совсем. Бабушка, одетая, спала на печке. Среди ночи она услышала осторожный стук в дверь. Она, растерянная, испуганная, пыталась хоть что-то разглядеть в окно. Но за окнами была глухая ночь, а окна изнутри покрывала снежная изморозь. Человек стучал тихонько, но настойчиво. От двери перешел к окну и стал стучать в стекло.

И вдруг бабушка услышала: «Мама, не бойся, открой. Это я, Вася». Бабушка, плача, побежала в сени, распахнула дверь. Сын обнимал ее, прижимая к холодной шинели, целовал заплаканное лицо и ласково говорил: «Напугал я тебя, мама».

Дорогой Вася вычислил, что дома он сможет побыть всего два часа. Он и сказал об этом маме. Она видела, что сын очень устал, сказала: «Васенька, поспи хоть немножко. Не бойся – не проспишь. Я разбужу».

Он отстегнул кобуру, положил револьвер под подушку.

– Да не клади ты оружие под голову! Еще выстрелит!

Но сын не слышал ее слов: он уже спал.

Бабушка, печалась, затопила печь, и стала собирать сына в обратную дорогу. В шесть часов утра они вышли из дома. Было все так же очень темно и морозно. Когда проходили через деревню Тарасово, Вася сказал бабушке, что хочет попрощаться с семьей брата. Вот в то морозное январское утро 1942 года я и видела Васю в последний раз. Я проснулась от его голоса. Он стоял возле моей кровати и тихо говорил моей маме: «Большая уже стала». Бабушка провожала Васю пять километров. Дорогой он расспрашивал, как ей одной живется, обо всех деревенских спросил, рассказывал о себе. У деревни Бережок Вася остановился и стал прощаться. Бабушка плакала, хотела идти с ним и дальше. Но дальше Вася пошел один. Все еще было темно. Всю обратную дорогу бабушка плакала. А потом из Буя пришло письмо. Вася писал, что и весь обратный путь прошел пешком, в часть успел вовремя.

Когда я рассказываю о Васе своему взрослому сыну, он внимательно слушает и говорит: «Фильм есть такой, мама».

– Да, есть. Только Алеша спешит к маме летом 1942 года. А наш Вася шел прощаться с мамой зимой 1942 года.

Письма бабушке Вася писал часто, но вот ближе к осени 1943 года перестали приходить письма. А в начале декабря 1943 года пришла похоронка. Вася умер от ран 13 ноября 1943 года. Похоронен на Украине: в Ворошиловградской области, около города Ровеньки, с. Любимовка.

В 1944 году пришло бабушке еще печальное известие. Дочь ей написала, что в воздушном бою погиб муж летчик.

Всю войну моя бабушка с раннего утра и до поздней ночи работала в колхозе. Летом в доме бабушки колхоз создавал детскую площадку (так тогда ее называли). Молодые матери приносили и приводили своих маленьких детей, а сами на весь день уходили на колхозную работу. Единственным взрослым человеком на детской площадке была бабушка. Она варила еду, кормила детей три раза в день и была их няней. А помогали ей мы, девочки семи и восьми лет. Малышей мы качали в кроватках. Если ребенок плакал, бабушка сама брала его из кроватки, сажала осторожно нам на колени и, помню, говорила при этом: «Матушка, только не урони ребенка!» А у самой на руках всегда был малыш, а иногда и двое, если плакали. Осенью мы с бабушкой дергали лен. Потом расстилали его. Зимой бабушка плела дивные вологодские кружева. И каждый день бабушка плакала и вспоминала своих дорогих сыновей, которых отняла у нее эта страшная война.

Беженки

Так их печально называли наши деревенские женщины. Очень жалели их. И помогали, чем могли и как могли. В наши деревни: Никулинское, Тарасово, Павшино – эвакуированных привезли из Петрозаводска (Карелия) в начале августа 1941 года. Накануне их прибытия председатель сельсовета и председатель колхоза предупредили об этом те семьи, в домах у которых будут жить приехавшие. Дома выбирали лучшие, где у хозяек была идеальная чистота.

Наши деревни расположены по берегу Кубенского озера. Через пять километров в каждой деревне была своя белокаменная церковь с синими куполами и золотыми крестиками на маковках. А на середине озера, на острове, напротив нашей деревни, – тоже церковь, как белоснежная лебедь. В летнюю солнечную пору искрится голубое озеро, а белая церковь «плывет» по озеру вместе с пароходами. Писатель В.П.Астафьев часто бывал на Кубенском озере, когда жил в

Вологде. Однажды, увидев эту церковь посреди озера, назвал ее в своем рассказе «Видение». Действительно, очаровательное Видение. Такая красота. Пароходы гудками приветствовали окрестные деревни и проплывали мимо. Пристань – в Новленском.

Помню теплый летний день. Возле школы собрались дети и только те женщины, которые должны были встретить приезжих. Все остальные ушли на колхозную работу. Лошади пришли со стороны Новленского. Значит, из Вологды людей привезли пароходы. Расстроенных, уставших от дороги и горя, их быстро расселили в семьи. Лошади уезжали одна за другой. Наконец, возле школы остались молоденькая женщина с детьми и я. Мой дом был рядом со школой. К нам не подселили никого: у нас уже жили солдаты регулировщики. Они следили за состоянием дороги Вологда – Кириллов (100 км). Я глядела на женщину и думала: «Какая красивая!» Роскошные темно-русые волосы заколоты в тяжелый узел на затылке, темное шелковое платье, модельные туфли. Тоненькая, стройная; лицо доброе, приветливое. Возница (старый дед) помог ей сойти с лошади: на руках ее спал трехмесячный Коля; потом снял с телеги малыша лет двух-трех. Ленька ухватился ручонкой за мамино платье. У ног женщины дед поставил маленький чемоданчик, что-то ласково, тихо сказал ей... и уехал. Женщина смотрела на озеро, на дорогу, ведущую к озеру и к деревне Никулинское. А по этой дороге бежала девушка, соседка моей бабушки, сестра этой женщины – Оля Смирнова. Женщину звали Смирнова Мирра. Ее муж – офицер ушел на фронт. А она с двумя малышами приехала из Петрозаводска к сестре. Я спросила у моей бабушки, почему Мирра приехала без вещей (у других, хоть немного, но вещи были); бабушка вздохнула и ответила:

– Матушка моя, у нее руки-то были заняты детьми – вот и не могла она ничего взять с собой. Деревенские жители окружили прибывших теплом и заботой. Помогали, чем могли: приносили молоко, картошку, овощи, делились горстью муки и последним куском хлеба. Женщины учили горожанок тяжелой крестьянской

работе, непривычной для них.

Помню семью Трифоновых: бабушку и ее дочь с тремя детьми. Люся была ровесница мне, вместе мы пошли в первый класс в первый год войны. Грише было лет шесть. Володе – лет 13-14. В Павшино жили Самойловы. Тяжело жилось всем: и жителям деревень, и эвакуированным, – но все выжили в наших деревнях. И вот освободили Петрозаводск. Все семьи засобирались домой. Осталась только Мирра с детьми. К тому времени она уже получила похоронку и некуда ей было ехать. Наши женщины уговаривали: «Не уезжайте! Дождитесь конца войны» Люди не послушались, уехали. Писем не было очень долго. А потом в деревню пришло письмо из детского дома... от Гриши Трифонова. Гриша писал, что вся его семья погибла от голода и какой-то болезни. Люди вернулись в сожженный, лежащий в руинах город. Как женщины и дети могли там выжить?! «Вот не уезжали бы от нас, – плакали жители нашей деревни, – все бы остались живы».

Мирре с двумя малышами было очень трудно, хотя Оля во всем помогала ей. Мирра сразу же пошла, как и все, на колхозную работу. На площадке детей было много, но много было и нас, нянек 7-8 лет. Я почему-то сразу стала нянчиться с детьми Мирры. Коля был на редкость спокойным ребенком. Я качала его в кроватке, Ленька сидел у меня на коленях, и мог часами смотреть на брата молча.

– Бабушка, – просила я, – возьми Леньку, мне тяжело!

Приходила из кухни бабушка, расстилала на полу одеяльце, брала мальчика на руки, целовала и приговаривала:

– Поиграй, дитятко, на полу. Устала твоя нянька. Она ведь тоже еще маленькая. Уходила бабушка, и Леня опять, молча, забирался на мои колени. К осени детскую площадку закрыли. И не с кем было Мирре оставлять детей. Они оставались дома одни. Бригадирша старалась всегда так отправлять сестер на работу, чтобы хоть одна из них работала недалеко от дома, чтобы была возможность провести детей несколько раз в день. Люди в деревнях были очень дружные, добрые, помогали друг другу.

Наступила холодная, снежная зима. По ночам от сильного мороза трещали углы и стены деревенских изб. Моя бабушка горько вздыхала, крестилась и просила: «Господи! Помоги Мирре в такую стужу сохранить детей». Непосильная ноша упала на хрупкие плечи этой худенькой доброй женщины, но она стойко выдерживала все удары, уготованные ей судьбой.

Закончилась война. Приехала дочь моей бабушки и увезла ее в Южный Казахстан, где жила сама. 12 рублей получала пенсию в колхозе моя бабушка и прожить на нее было невозможно. В моей семье появился отчим. Продали наш дом в родной моей деревне и переехали жить в Новленское. И так сложилась дальше моя судьба, что ни в детстве, ни потом не пришлось больше побывать мне в родной деревне, где навсегда осталось мое сердце там, у озера. Но я никогда не могла забыть свою деревню и людей, живших в ней в пору моего военного детства. Я закончила школу, Вологодский пединститут и работала инспектором в РОНО. Однажды в РОНО я увидела Мирру. Она приехала к заведующей за характеристикой на Леню. Мы обрадовались друг другу. Пока заведующая писала, мы стояли в РОНО, у окна, и разговаривали. Мирра расспрашивала меня о моей бабушке. А потом вдруг умолкла, горестно вздохнула и спросила:

– Рита, а ты помнишь, как нянчилась с моими детьми в войну?

Она была все такая же красивая, только волосы были совсем седые, да в глазах поселилась тоска. А было ей тогда и всего-то лет сорок, не больше. Я не хотела, чтобы она сразу уехала. Но она очень торопилась. Она приехала на попутной машине, машина разгружалась. Шофер обещал увезти ее и в обратный путь. Иначе придется 30 км. идти пешком. Мы попрощались, и она ушла. Потом она с детьми и сестрой переехала жить в соседнюю деревню Прокино. Там и доживали последние годы. А недавно мне родственница написала, что обе умерли.

Пусть этот очерк будет последним поклоном моим дорогим землякам: и живым, и погибшим, – вынесшим все ужасы Великой Отечественной войны.

Содержание:

Бобовкина Мария Николаевна.....	3
Егорова Валентина Васильевна.....	16
Задвинская (Правина) Валентина Ивановна.....	20
Зайцев Анатолий Михайлович.....	24
Зилгалова Антонина Григорьевна.....	35
Корнилова Тамара Ефремовна.....	38
Куница Эльза Ивановна.....	41
Новиков Леонид Михайлович.....	50
Сковорода Екатерина Ефремовна.....	59
Тимофеева Мария Николаевна.....	67
Трофимов Владимир Федорович.....	70
Трофимова (Кирина) Маргарита Павловна.....	80

Составитель - Ефимова Л.Е.
Компьютерный набор - Ефимова Л.Е.
Медведева Л.И.
Компьютерная верстка - Григорьева Н.А.
Ответственный за выпуск - Иванова С.В.

В издании использованы фотографии
из личных архивов торопчан

Сектор автоматизированных
библиотечно-информационных технологий
МУТР «Торопецкая центральная библиотека»
172840 Тверская обл.
г. Торопец, ул. Советская, д.35а